

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ИМАКАЕВА ПРОТИВ РОССИИ

(Жалоба №7615/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

9 ноября 2006 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

9 февраля 2007 года

По делу Имакаева против России,

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), на заседании Палаты в следующем составе:

Г-на К.Л. РОЗАКИСА, *Президента,*

Г-на Л. ЛОУКАЙДЕСА,

Г-жи Ф. ТАЛКИЕНС,

Г-жи Н.ВАДЖИЧ,

Г-на А. КОВЛЕРА,

Г-жи Е. СТАЙНЕР,

Г-на К. ХАДЖИЕВА, *судей,*

и Г-на С. НИЛЬСЕНА, *Секретаря Секции,*

Проведя обсуждение при закрытых дверях 19 октября 2006 года,

Выносит следующее постановление, принятое в указанный выше день.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело основано на жалобе (№7615/02) против Российской Федерации, поданной в Суд по Статье 34 Конвенции о защите Прав Человека и Основных Свобод («Конвенции») гражданкой России г-жой Марзет Имакаевой («заявительница») 12 февраля 2002 года.

2. Заявительница, которой была оказана юридическая помощь, была представлена в Суде юристами «Правовой Инициативы по России» (SRJI), неправительственной организацией, базирующейся в Нидерландах и имеющей представительство в России. Российское Правительство («Правительство») было представлено своим Агентом, г-ном Лаптевым, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека.

3. Заявительница утверждала, что ее сын, а затем и муж «исчезли» после задержания российскими военнослужащими в Чечне. Она сослалась на Статьи 2, 3, 5, 6, 8, 13, 34 и 38 Конвенции.

4. Жалоба была отписана на рассмотрение Первой Секции Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В рамках указанной Секции, Палата для рассмотрения дела была (Статья 27 § 1 Конвенции) была сформирована в соответствии с Правилом 26 § 1.

5. 1 ноября 2004 года Суд изменил состав Секций (Правило 25 § 1), однако данное дело осталось в Палате, сформированной в рамках бывшей Первой Секции.

6. Решением от 20 января 2005 года Суд объявил жалобу приемлемой.

7. Заявительница и Правительство представили в Суд ряд письменных комментариев и ходатайств (Правило 59 § 1).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявительница родилась в 1951 году и жила в селе Новые Атаги, Шалинский район, Чечня. В начале 2004 года она уехала в США в поисках убежища.

A. Факты

9. Фактические обстоятельства исчезновения сына и мужа Заявительницы частично оспаривались сторонами. Принимая это во внимание, Суд запросил у Правительства в полном объеме копии материалов уголовных дел, возбужденных в связи с похищением Саид-Хусейна и Саид-Магомеда Имакаевых. Доводы сторон относительно фактических обстоятельств задержания и исчезновения сына и мужа Заявительницы и последующее расследование изложены ниже, в Разделах 1-5. Описание предоставленных в Суд материалов содержится в части В.

1. Исчезновение сына Заявительницы

10. Заявительница проживала в селении Новые Атаги Шалинского района Чеченской Республики. Совместно с мужем, Саид-Магомедом Имакаевым, 1955 года рождения, она вырастила троих детей: Саид-Хусейна, 1977 года рождения, Магомед-Эмира и Седо. Заявительница по профессии учитель. Сын Заявительницы Саид-Магомед Имакаев окончил в 1999 году медицинское училище по специальности стоматолог и продолжал свое образование в Грозненском Институте Нефти и Газа.

11. Утром 17 декабря 2000 года Саид-Хусейн поехал в селение Старые Атаги, чтобы купить на рынке куртку. Как обычно, он поехал на автомашине ВАЗ – 21060 (марки «Жигули»), на вождение которой у него имелась доверенность.

12. В тот же самый день, около 6 часов вечера, соседи рассказали Заявительнице о том, что видели, как ее сын был задержан российскими военнослужащими на блокпосту, расположенном на дороге между селениями Старые и Новые Атаги. Заявительница вместе со своими родственниками незамедлительно начала поиски сына, собрав показания нескольких видевших его людей. Очевидцы согласились дать свои показания только при условии не разглашения их имен и адресов, однако позднее согласились предоставить свои имена.

13. Свидетель Умят Д., проживает в селении Новые Атаги и знаком с Саид-Хусейном Имакаевым еще со школы. 17 декабря он находился на рынке в селении Старые Атаги. Около 14 часов он встретил там Саид-Хусейна, который сказал ему, что хочет купить куртку, но пока еще ничего не нашел. Он предложил Д. подвезти его обратно в село, но тот отказался, так как сам приехал на машине. Позднее свидетель узнал о том, что по дороге в село возле реки Аргун, Саид-Хусейна задержали российские солдаты.

14. Свидетели, Зулай Т. и Колита Д. проживают в селении Новые Атаги. Они возвращались домой на автобусе с рынка из селения Старые Атаги. Около 3 часов пополудни они увидели через окно автобуса группу военнослужащих в масках. Они стояли вокруг автомобиля марки «Жигули». Из машины вышел молодой человек. Женщины вышли из автобуса, так как хотели помочь ему, но военные стали стрелять в воздух и в землю, крича им, чтобы они не подходили. Они видели, как молодого человека швырнули в военный автомобиль УАЗ

(«таблетка»), и один из военнослужащих сел за руль белых «Жигулей». Военные уехали очень быстро, и свидетели не успели заметить регистрационные номера автомашины УАЗ. Машины поехали в направлении селения Новые Атаги. В тот же самый день, позднее, они узнали о том, что задержанным молодым человеком оказался Саид-Хусейн Имакаев.

15. Адам Ц. показал, что после полудня 17 декабря 2000 года на улице Ленина в селении Новые Атаги он видел военный автомобиль УАЗ и принадлежавшие Саид-Хусейну Имакаеву «Жигули», за рулем которых сидел незнакомый мужчина 30-35 лет. Машина ехала на большой скорости. Свидетель подумал, что Саид-Хусейн просто одолжил кому-то свою машину, как он это иногда делал. В тот же самый день, позднее, он узнал о том, что Саид-Хусейна в тот день задержали военные, а также, что его машину тоже забрали. Свидетель, обозначенный как свидетель «Е» в своих устных показаниях, данных представителям Заявительницы, пояснил, что 17 декабря 2000 года, около 3 часов дня он видел машину Саид-Хусейна на улице Нагорной в селении Новые Атаги. За машиной ехали УАЗ и БТР (бронетранспортер).

16. С того самого дня у Заявительницы нет никаких известий о судьбе ее сына.

2. Расследование исчезновения Саид-Хусейна Имакаева

17. Начиная с 18 декабря 2000 года, Заявительница и ее муж стали обращаться в прокуратуры различных уровней, в Министерство Внутренних Дел, в администрацию Чечни, к Специальному Представителю Президента России в Чечне по правам человека. Заявительница подала несколько стандартных заявлений в различные органы власти, в которых она указывала обстоятельства исчезновения ее сына, просила помощи в поисках сына или запрашивала детальную информацию о расследовании его исчезновения. По ее просьбе аналогичные запросы были подписаны сельским сходом старейшин, а также главой местной администрации. 5 января 2001 года, по просьбе Заявительницы, глава администрации обратился с письмом к прокурору Шалинского района, к прокурору Чеченской Республики, а также к Представителю Президента России в Южном Федеральном Округе. Заявительница и ее муж лично посетили ряд тюрем и мест содержания под стражей, расположенных в Чечне, а также в других регионах Северного Кавказа.

18. От официальных органов Заявительница получила немного имеющей значение информации о расследовании исчезновения ее сына. Несколько раз она получала письма из различных органов власти, извещавших ее о том, что ее заявление было направлено для рассмотрения в прокуратуру Шалинского района и в прокуратуру Чеченской Республики.

19. 5 января 2001 года Шалинская районная прокуратура сообщила Заявительнице о том, что 4 января 2001 года они возбудили уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 126 п. 2 Уголовного Кодекса Российской Федерации (похищение). Уголовному делу был присвоен порядковый номер 23001.

20. 21 января 2001 года ГАИ МВД Чеченской Республики известило Заявительницу о том, что данные об автомобиле «Жигули» были внесены в поисковую базу данных, и что сотрудниками ГАИ были получены инструкции о проведении его поисков.

21. 21 апреля 2001 года Шалинский Районный Отдел Внутренних Дел (РОВД) проинформировал Заявительницу о том, что по уголовному делу №23001, в соответствии с полученным от нее заявлением, проводится расследование. В письме указывалось, что она будет поставлена в известность о ходе расследования.

22. В соответствии с предоставленной в июле 2002 года Правительством информацией, в марте – мае 2001 года Шалинская районная прокуратура направила запросы о Саид-Хусейне Имакаеве в Шалинский РОВД и в Управление ФСБ по Чечне. Оба органа отрицали то, что когда-либо задерживали Имакаева или то, что у них имелась информация о его местонахождении. 15 мая 2001 года расследование было приостановлено и Шалинский РОВД был проинструктирован о продолжении поисков пропавшего без вести Имакаева.

23. 16 июня 2001 Шалинская районная прокуратура сообщила Заявительнице о том, что, в соответствии со статьей 195 п. 3 Уголовно-Процессуального Кодекса РФ, предварительное следствие по уголовному делу приостановлено.

24. 26 февраля 2002 года следователем Шалинской районной прокуратуры была выдана справка о ходе расследования уголовного дела. В ней указывалось, что 17 декабря 2000 года по дороге, ведущей в селение Новые Атаги, Саид-Хусейн Саид-Магомедович Имакаев, 1977 года рождения, проживавший в селении Новые Атаги, ехал на собственной машине, когда он был задержан и увезен в неизвестном направлении неизвестными лицами в камуфляжной форме и в масках. С тех пор его местонахождение остается неизвестным. В справке также указывалось, что 4 января 2001 года Шалинская районная прокуратура возбудила уголовное дело № 23001 по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 126 п. 2 (а) Уголовного Кодекса Российской Федерации (похищение), и, что, в соответствии со статьей 195 п.3 Уголовно-Процессуального Кодекса РФ, предварительное следствие по уголовному делу было приостановлено в связи с невозможностью установления подозреваемых в совершении преступления. В справке говорилось, что следствие предпринимает меры по установлению местонахождения Имакаева.

25. В соответствии с Правительством, 22 июня 2002 года следователь Шалинской районной прокуратуры направил информационные запросы об Имакаеве в Управление ФСБ по Чечне, военному прокурору в/ч 20116 (дислоцированной в Шали), в военную комендатуру, в Информационный Центр МВД и в МВД Чечни. Как следует из материалов, ни один из этих запросов не дал результатов. 5 июля 2002 года предварительное следствие было возобновлено по указанию заместителя прокурора Чечни.

26. 16 июля 2002 года, в связи с исчезновением мужа Заявительницы (см. ниже), прокуратура Чеченской Республики проинформировала Заявительницу о том, что в результате проведенного прокуратурой следствия по уголовному делу № 231001 местонахождение ее сына установлено не было. В письме указывалось, что после проверки материалов уголовного дела прокурор района 11 марта 2001 года вынес постановление об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия по делу. Следователю были даны указания о проведении ряда следственных мероприятий, включая тщательную проверку версии о совершении похищения «сотрудниками силовых структур».

27. 24 июля 2002 года Заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу №23001 о похищении ее сына.

28. 20 декабря 2002 года Правительство государства-ответчика предоставило в Европейский Суд по Правам Человека дополнительную информацию о расследовании уголовного дела. В соответствии с предоставленной информацией, два установленных следствием свидетеля преступления показали, что Саид-Хусейн был похищен группой лиц, которые были вооружены автоматами, одеты в камуфляжную форму. При задержании использовался автомобиль марки УАЗ-452. Ни автомобиль, на котором ехал сын Заявительницы, ни он сам не были найдены. Предварительное следствие по уголовному делу № 23001 было приостановлено 4 марта 2001 года в связи с невозможностью установления подозреваемых в

совершении преступления. Однако 5 июля 2002 года, предварительное следствие по уголовному делу было возобновлено по указанию первого заместителя прокурора Чеченской Республики. Возобновленное расследование было нацелено на «полную и тщательную проверку всех обстоятельств совершенного преступления, включая проверку версии о похищении С.-Х. Имакаева членами незаконных вооруженных формирований в целях дискредитации российских федеральных сил». 5 августа 2002 года расследование было возобновлено.

29. 19 марта 2003 года Заявительница получила письмо из прокуратуры Чеченской Республики, в котором говорилось, что предварительное следствие по уголовному делу было возобновлено 26 февраля 2003 года. 15 апреля 2003 года Шалинская районная прокуратура проинформировала Заявительницу о том, что расследование по уголовному делу приостановлено.

30. 17 апреля 2003 года Организация SRJI, действуя от имени Заявительницы, обратилась с письмом в Шалинскую районную прокуратуру и попросила проинформировать их о ходе расследования и признать Заявительницу потерпевшей по уголовному делу.

31. 12 мая 2003 года Шалинская районная прокуратура проинформировала Правовую Инициативу о том, что предварительное следствие по делу приостановлено. Копия постановления о признании Заявительницы потерпевшей была направлена непосредственно ей.

32. 19 мая 2003 года прокуратура Чечни проинформировала Правовую Инициативу о том, что следствие предприняло ряд мер для установления местонахождения Саид-Хусейна Имакаева, в т.ч. допрос свидетелей и очевидцев преступления. Однако подозреваемые не были установлены, и 23 марта 2003 года расследование было вновь приостановлено. Заявительница была соответственно проинформирована.

33. 4 августа и 26 октября 2003 года Шалинская районная прокуратура проинформировала Заявительницу о том, что, несмотря на то, что расследование похищения ее сына было приостановлено, меры по установлению его местонахождения продолжают предприниматься. Заявительница также была проинформирована о возможности обжалования.

34. 26 сентября 2003 Правительство государства-ответчика проинформировало Суд о том, что постановление о приостановлении предварительного следствия было отменено решением и.о. прокурора Чеченской Республики, который также направил органам следствия указания о проведении ряда следственных мероприятий.

35. Заявительница утверждает, что определенные следственные меры были предприняты в октябре-декабре 2003 года в ходе расследования исчезновения ее мужа (см. ниже, §§ 74 и 76).

36. 9 января 2004 года начальник отдела криминальной милиции Шалинского района проинформировал Заявительницу о том, что отдал указание о поисках автомобиля, на котором Саид-Хусейн Имакаев ехал в день своего исчезновения.

37. 20 января 2005 года Организация SRJI запросила Шалинскую районную прокуратуру о том, производится ли ими расследование уголовного дела №23001 и если так, то предоставить информацию о его прогрессе. Заявительница утверждает, что ответа на данное письмо получено не было, она не могла ознакомиться с материалами уголовного дела и у нее не было информации о его прогрессе, если таковой был.

38. Заявительница ссылается на подготовленный Хьюман Райтс Вотч в марте 2001 года доклад [«Грязная война»: исчезновения, пытки и внесудебные расправы](#)». В нем в списке жертв, подвергшихся «насильственному

исчезновению» после задержания российскими военнослужащими, указывается имя Саид-Хусейна Имакаева.

39. В октябре 2005 года Правительство предоставило в Суд дополнительную информацию о ходе расследования. В соответствии с ней, расследование похищения сына Заявительницы установило, что около 3 часов дня 17 декабря 2000 года, автомобиль ВАЗ-1206, на котором ехал Саид-Хусейн Имакаев, был остановлен группой вооруженных лиц у села Новые Атаги. Его последующее местонахождение не установлено.

40. Далее Правительство утверждает, что Заявительница была допрошена несколько раз, и что 24 июля 2002 года она была признана потерпевшей по уголовному делу. Она не была непосредственной свидетельницей событий и узнала о них из показаний других. Две свидетельницы, С. и Т. показали следствию на то, что 17 декабря 2000 года они видели из автобуса, как группа вооруженных мужчин с автоматическим оружием задержала указанную выше машину и ее водителя, Саид-Хусейна Имакаева. Органы МВД и безопасности указали, что С.-Х. Имакаеву не предъявлялось обвинение в совершении преступления. Расследование уголовного дела №23001 продолжается и его ход контролируется Генеральной Прокуратурой.

41. В то же самое время Правительство предоставило ряд документов из материалов уголовного дела №23001 (см. ниже § 93). Эти документы суммированы ниже, в части В.

42. 12 февраля 2002 года Заявительница и ее муж, Саид-Магомед Имакаев, подали жалобу в Европейский Суд по Правам Человека об исчезновении их сына, Саид-Хусейна Имакаева. 21 февраля 2002 года жалобе был присвоен указанный выше порядковый номер. Г-н Имакаев¹ и г-жа Имакаева, оба выдали доверенности SRJI и были указаны в качестве Заявителей.

3. Исчезновение мужа Заявительницы

43. В соответствии с показаниями Заявительницы, 2 июня 2002 года она и ее муж находились в своем доме в селении Новые Атаги. В 6 часов 20 минут утра они проснулись от громкого шума во дворе. Они увидели несколько бронетранспортеров (БТР) и автомобиль УАЗ. Соседи Имакаевых, как выяснилось позднее, заметили номера трех из шести БТР, принимавших участие в проведении операции и регистрационные номера автомобиля УАЗ.

44. Около 20-ти военнослужащих в камуфляже, некоторые из которых были в масках, вошли в дом. Военнослужащие говорили между собой по-русски и, по мнению Заявительницы, без акцента. Они провели обыск дома Заявительницы, не предъявив ордера на его проведение и не предоставив никаких объяснений. Во время проведения обыска Заявительнице удалось поговорить со старшим группы. На нем была камуфляжная форма, он был без маски, и Заявительница описывает его как мужчину лет сорока, ростом приблизительно 180 см., с бородой. Этот офицер сказал ей, что его имя «Бумеранг Александр Григорьевич». Заявительница поняла, что «Бумеранг» - это его кличка. Ей также удалось поговорить и с другим офицером, который отказался представиться, внешность которого Заявительница описывает следующим образом: примерно 40 лет, волосы светлые, ростом немного ниже «Бумеранга».

45. Военные забрали с собой некоторые документы и компьютерные дискеты. Когда Заявительница попросила оставить ей какую-нибудь расписку об изъятии документов, военные оставили ей написанный от руки документ следующего содержания: «Расписка. Я, Бумеранг А.Г., изъясил в доме Имакаевых сумку с документами Республики Ичкерия, а также ящик с дискетами. 2.06.02».

¹ Жалоба впоследствии рассматривалась от имени г-жи Имакаевой.

46. В ответ «Бумеранг» попросил Заявительницу подписать документ о том, что у нее нет претензий к военным по поводу проведенного обыска. Заявительница согласилась подписать указанную расписку, указав, что - хотя при задержании ее мужа не применялась физическая сила - она возражает против его задержания без каких-либо на это оснований. Она также добавила, что дискеты и документы не принадлежали ее мужу; их обнаружили в том месте, где они хранили вещи своих родственников, которые уехали из Грозного в 1999 году. Она отдала подписанную ею расписку «Бумерангу».

47. Во время проведения обыска Саид-Магомед Имакаева (мужа Заявительницы) поставили к стене. После завершения обыска, его усадили в автомобиль УАЗ. Так как шел сильный дождь, ему разрешили одеться и взять с собой 50 рублей «на обратную дорогу». Когда Заявительница спросила, куда его повезли, «Бумеранг» сказал ей, что они повезут его в районный центр Шали.

48. После визита в дом Имакаевых, БТР поехали в другие места, где были задержаны еще четыре человека². После этого они уехали из села.

49. Заявительница предоставила в Суд собранные ею и ее родственниками показания 30 очевидцев, имеющие отношение к событиям 2 июня 2002 года, в т.ч. те, что были даны родственниками четырех других человек, задержанных в ту же ночь. Они заметили бортовые номера трех БТР, принимавших участие в операции: №1252, который подъехал к дому Заявительницы, и №889 и №569. Один из соседей также заметил регистрационный номер автомобиля УАЗ, в который усадили Саид-Магомеда Имакаева, №344.

50. Начиная со 2 июня 2002 года, Заявительница продолжает поиски своего мужа. До сих пор у нее нет о нем никаких известий. Также отсутствуют известия о судьбе других четырех людей, задержанных в селе в ту же самую ночь.

4. Расследование исчезновения Саид-Магомеда Имакаева

51. 2 июня Заявительница поехала в районный центр Шали, в военную комендатуру и поговорила с военным комендантом, который сказал ей о том, чтобы она не беспокоилась, а также заверил в том, что с ее мужем все будет в порядке. В тот же самый день она поехала в г. Грозный и в селение Новые Атаги, и обратилась в Администрацию Чеченской Республики и военную комендатуру с жалобой, как в устной, так и в письменной форме. 4 июня 2002 года не назвавшийся офицер Шалинского Управления ФСБ сказал ей о том, что ее мужа, скорее всего, перевезли в Мескер-Юрт.

52. Заявительница предприняла несколько попыток выяснить, проходил ли службу в данном регионе военнослужащий «Бумеранг». Со слов не назвавшихся сотрудников военной комендатуры в селении Старые Атаги она смогла понять, что они знают его. Заявительница предприняла множество попыток встретиться с ним, но ей всегда говорили, что его нет, так как он отсутствует, принимает участие в операциях по «зачистке».

53. 4 июня 2002 года Заявительница проинформировала своих представителей по делу об исчезновении сына – Правовую Инициативу - о задержании мужа. 4 июня 2002 года сотрудники «Правовой инициативы по Чечне» совместно с Хьюман Райтс Вотч обратились от имени Заявительницы с письмами к заместителю Представителя Президента Российской Федерации по правам человека в Чечне, а также к прокурору Чеченской Республики. Они проинформировали органы государственной власти об известных им обстоятельствах задержания в селении Новые Атаги Саид-Магомеда Имакаева, а также четырех других мужчин, и попросили принять срочные меры для

² Их родственники позднее подали жалобу в ЕСПЧ и их жалоба зарегистрирована под номером [29133/03](http://www.srji.org/resources/search/73/), См. дело «Уцаева и другие против России» <http://www.srji.org/resources/search/73/>

установления местонахождения задержанных. 6 июня 2002 года они направили дополнительную информацию в указанные структуры, сообщив номера БТР, замеченных соседями Имакаевых; приложив подробное описание офицера, руководившего задержанием и представившегося как «Бумеранг Александр Григорьевич», а также полученное от Заявительницы описание второго офицера.

54. 11 июня 2002 года Европейский Суд по Правам Человека, действуя в соответствии с Правилom 49 § 1 Регламента Суда, запросил у Правительства информацию о задержании мужа Заявительницы и его местонахождении.

55. 2 июля 2002 года в дом к Заявительнице приехал старший следователь Управления Министерства Внутренних Дел РФ по Южному Федеральному Округу. Он допросил Заявительницу об обстоятельствах задержания ее мужа и сказал, что проводящееся расследование связано с подачей ею жалобы в Европейский Суд по Правам Человека.

56. 16 июля прокуратура Чечни проинформировала Заявительницу о том, что в связи с поданной ею жалобой 28 июня 2002 года Шалинская районная прокуратура возбудила уголовное дело № 59140 по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 126 п. 2 (а) Уголовного Кодекса РФ. В письме сообщалось, что предварительным следствием по уголовному делу установлено, что муж Заявительницы не был задержан сотрудниками правоохранительных органов, а также то, что оснований для его задержания не было.

57. 24 июля 2002 года по запросу Европейского Суда, Правительство Российской Федерации предоставило в Европейский Суд информацию. В документах, представленных Правительством, содержалась ссылка на сообщение Управления Генеральной Прокуратуры Российской Федерации по Южному Федеральному Округу, в соответствии с которым Заявительница обратилась с заявлением в прокуратуру Шалинского района 17 июня 2002 года. В нем она указала, что «группа неизвестных мужчин» насильно увезла ее мужа 2 июня 2002 года. Уголовное дело было возбуждено районной прокуратурой 28 июня 2002 года по признакам состава преступления, предусмотренного статьей 126 п. 2(а) Уголовного Кодекса РФ. В то же самое время Правительство отрицало то, что задержание мужа Заявительницы было проведено органами государственной власти. Правительство указывает на следующее:

«До возбуждения уголовного дела в процессе проведенного дознания не было получено никаких доказательств того, что г-н Саид-Магомед Имакаев был задержан сотрудниками федеральных сил. Он не был направлен в распоряжение правоохранительных структур или исправительно-трудовых учреждений или он не содержится там в настоящее время. Более того, у правоохранительных органов не было оснований для его задержания...

Шалинский район Чечни (и в особенности селение Новые Атаги) представляет собой территорию, на которой имеет место активная криминальная деятельность террористов и экстремистских организаций, совершающих преступления в целях дискредитации российских федеральных сил в Чечне. Они используют камуфляжную форму и транспортные средства, похожие на униформу и транспортные средства, используемые военнослужащими и сотрудниками правоохранительных органов Чеченской Республики. Наряду с совершением других преступлений, незаконные вооруженные формирования совершают похищения и незаконные задержания лиц, проживающих на территории Чеченской Республики. В связи с этим основная версия по данному уголовному делу – это похищение г-на Саид-Магомеда Имакаева членами одной из террористических организаций, действующих в Чечне и использующих униформу военнослужащих федеральных войск во избежание опознания».

58. Правительство также указало на то, что подразделения правоохранительных органов находящиеся в данный момент в Чечне – Федеральная Служба Безопасности и Министерство Внутренних Дел Российской

Федерации – не проводили 2 июня 2002 года специальной операции в селении Новые Атаги, а также то, что имя мужа Заявительницы не указано в списке задержанных данными правоохранными структурами.

59. Из представленных в Суд материалов следует, что 25 июля 2002 года Заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу о похищении ее мужа.

60. 31 июля 2002 года Правительство Российской Федерации представило к жалобе дополнительные материалы. В них содержалось описание определенных процессуальных мер, относящихся к возбуждению, приостановлению и возобновлению следствия по уголовным делам, возбужденным по фактам исчезновения сына и мужа Заявительницы. В материалах содержалась ссылка на запросы, сделанные органами предварительного следствия в правоохранные структуры о предоставлении информации, имеющей отношение к установлению местонахождения исчезнувших. Несмотря на принятые меры, их местонахождение остается неизвестным, и предварительное следствие по обоим делам на данное время приостановлено.

61. Заявительница утверждает, что в начале августа она совместно с родственниками одного из четырех мужчин, также исчезнувших 2 июня 2002 года, поехала в военную комендатуру Шали, где они обратилась к военному коменданту Шалинского района генералу Нахаеву. Во дворе комендатуры они заметили БТР №569, который использовался при задержании их родственников. По их просьбе один из членов экипажа указанного БТР был вызван к генералу, где его спросили, был ли он в селении Новые Атаги 2 июня 2002 года. Военнослужащий признал, что он был в данном селении, однако, он не мог вспомнить, когда именно. Генерал спросил его, «увозил ли он людей», на что тот ответил, что двух человек посадили и увезли на его БТР. Однако их высадили на первом же дорожном блокпосту. Что с ними произошло дальше, он не знал. Заявительница указывает на то, что во время того же самого разговора, в присутствии родственников других «исчезнувших» мужчин, генерал Нахаев сказал им о том, что в июне задержали 27 человек, из которых 15 были «уничтожены» (см. ниже § 90).

62. В конце августа 2002 года Заявительница обратилась в прокуратуру Чеченской Республики, где ей сказали о том, что расследование уголовного дела по исчезновению ее мужа было передано в военную прокуратуру, которая в соответствии с российским законодательством несет ответственность за расследование преступлений, совершенных военнослужащими.

63. В своих письмах и комментариях Правительство указало несколько разных дат процедурных мер и номеров присвоенных уголовных дел. Из документов следует, что в начале сентября 2002 года расследование было передано в военную прокуратуру в/ч 20166, где уголовному делу был присвоен номер 34/35/0172-02. Также из документов следует, что 26 сентября 2002 года расследование было приостановлено в связи с неустановлением подозреваемых (как следует из замечаний Правительства от 26 сентября 2003 года, 27 октября 2005 года и постановления Главной Военной Прокуратуры от 9 июля 2004 года о лишении Заявительницы статуса потерпевшей).

64. 5 сентября 2002 года наряду с другой полученной ею информацией Заявительница направила в Шалинскую районную прокуратуру набросок внешности «Бумеранга», сделанный неофициально. До настоящего времени Заявительница не получила подтверждения о получении указанного письма, и она уверена, что следственные действия, о выполнении которых она просила в письме, не были выполнены прокуратурой. Кроме того, нет доказательств того, что органами следствия были предприняты какие-либо меры для установления

нахождения БТР, номера которых были замечены соседями Заявительницы и проведения допросов соседней Заявительницы.

65. 20 декабря 2002 года Правительство предоставило информацию о том, что следователь военной прокуратуры воинской части №20116, расположенной в Шали, приостановил предварительное следствие по уголовному делу. Никакой другой информации по поводу «бесследного исчезновения» мужа Заявительницы представлено не было.

66. 17 апреля 2003 года организация SRJI, действуя от имени Заявительницы, попросила военную прокуратуру в/ч 20116 о признании Заявительницы потерпевшей по уголовному делу, или, если это уже было сделано, направить ей копию такого решения.

67. 25 и 30 апреля 2003 года военный прокурор ОГВ на Северном Кавказе проинформировал Заявительницу о том, что 9 сентября 2002 года уголовное дело о похищении ее мужа было передано в военную прокуратуру в/ч 20116 в Шали, где ему был присвоен номер 14/35/0172-02 (см. также выше, § 63).

68. 16 июня 2003 года военный прокурор в/ч 20116 ответил SRJI о том, что их проинформируют о результатах предварительного следствия.

69. 23 сентября 2003 года следователь Главной Военной Прокуратуры в Москве проинформировал Заявительницу о том, что 18 августа 2003 года военный прокурор ОГВ возобновил расследование похищения ее мужа. 23 сентября 2003 года делу было отписано Главной Военной Прокуратуре, и срок предварительного следствия продлен до 25 марта 2004 года. Следователь также проинформировал Заявительницу о том, что он был в командировке в Шали, в в/ч 20116 и пригласил Заявительницу связаться с ним при наличии дальнейших вопросов.

70. 7 октября 2003 года организация SRJI обратилась с письмом к следователю и попросила его назначить встречу с Заявительницей. Они также отметили, что следователи военной прокуратуры не допросили ее, несмотря на то, что она приходила к ним в прокуратуру.

71. 10 октября 2003 года Заявительница была вызвана в качестве свидетеля в Шалинский РОВД.

72. 20 октября 2003 года Заявительница встретила следователя военной прокуратуры в Шали и была допрошена о задержании мужа. В тот же день следователь забрал у нее «расписку», выданную «Бумерангом» 2 июня 2002 года.

73. Также 20 октября 2003 года Заявительница обратилась к следователю с просьбой направить предоставленные ею фотографии сына и мужа во все регионы Российской Федерации, для проверки того, задержаны ли они по фальшивым удостоверяющим личность документам. 21 октября 2003 года следователь ответил на запрос и заверил Заявительницу в том, что после того, как она предоставит фотографии, они будут направлены во все региональные управления МВД и Министерства Юстиции.

74. Заявительница утверждает, что в октябре-ноябре 2003 года она несколько раз встречалась со следователем в здании в/ч 20116 в связи с похищением ее сына и мужа. Ее соседи также были допрошены в той прокуратуре. В конце октября 2003 года группа следователей прибыла в Новые Атаги и допросила соседней Заявительницы. В ноябре 2003 года два следователя осмотрели дом Заявительницы и забрали у нее фотографии, сделанные после обыска 2 июня 2002 года.

75. Заявительница утверждает, что во время одного из допросов следователь сказал ей, что допросил военнослужащего Александра Григорьевича «Бумеранга», который признался в том, что принимал участие в обыске и задержании мужа Заявительницы, но настаивал на том, что отпустил его.

76. В конце ноября 2003 года Заявительница была вызвана в Октябрьский РОВД в Грозном для участия в опознании по фотографиям в связи с исчезновением сына. Ей было показано в общей сложности 58 фотографий неопознанных трупов, но она не опознала среди них своих родственников.

77. Далее Заявительница утверждает, что в начале декабря 2003 года ее вызвали в Шалинский районный суд и попросили письменно изложить информацию о задержании ее сына и мужа, а также указать государственные органы, в которые она в связи с этим обращалась. Заявительница сделала то, о чем ее просили, указав также, что обратилась в Европейский Суд по Правам Человека. Она утверждает, что ее попросили особо пояснить, обращалась ли она в связи с рассматриваемыми событиями с жалобой в местный суд.

78. 9 июля 2004 года расследование уголовного дела о похищении мужа Заявительницы было прекращено по ст. 24 ч. 1.1. УПК РФ в связи с отсутствием события преступления. 10 июня 2004 года Главная Военная Прокуратура известила об этом Заявительницу и указала, что ее муж был задержан военнослужащими в соответствии с Федеральным Законом о Борьбе с Терроризмом и о Федеральной Службе Безопасности. После проверки ее муж был передан начальником Шалинского районного отдела ФСБ главе администрации, г-ну Дакаеву³. В связи с тем, что после этого Саид-Магомед Имакаев не вернулся домой, соответствующие документы были направлены в прокуратуру Чечни с целью организации его поисков как без вести пропавшего. Заявительница была проинформирована о возможности обжалования данного решения.

79. Также 9 июля 2004 года следователь Главной Военной Прокуратуры лишил Заявительницу статуса потерпевшей по уголовному делу №29/00/0015-03. В постановлении говорилось о том, что расследованием было установлено, что 2 июня 2002 года военнослужащие, действовавшие в соответствии со ст. 13 Закона о Борьбе с Терроризмом, провели оперативно-боевое мероприятие и задержали Саид-Магомеда Имакаева по подозрению в участии в одной из бандитских групп, действовавших в районе. После проведения проверки его участие в незаконных вооруженных группировках установлено не было, и он был незамедлительно передан главе Шалинской администрации для возвращения домой. В постановлении далее говорилось, что, таким образом, было установлено, что похищения не было, и что действия военнослужащих, задержавших Имакаева, не представляли собой преступления. Дальнейшее отсутствие Имакаева по месту жительства не связано с его задержанием военнослужащими 2 июня 2002 года. Таким образом, Заявительнице не было причинено материального или морального ущерба, и постановление о признании ее потерпевшей отменено. Она была проинформирована о возможности обжалования.

80. 21 июля 2004 года Организация SRJI попросила Главную Военную Прокуратуру проинформировать их о том, какие следственные меры были предприняты до прекращения расследования и направить им копию решения.

81. 12 августа 2004 года Главная Военная Прокуратура отказалась предоставить копии документов SRJI на том основании, что они не являются адвокатами Заявительницы.

82. 22 сентября 2004 года Организация SRJI направила копию доверенности Заявительницы прокурору Чечни и попросила его проинформировать их о том, где находится уголовное дело и разрешить им доступ к его материалам.

83. 13 октября прокурор Чечни проинформировал Правовую Инициативу о том, что уголовное дело осталось в Главной Военной Прокуратуре, куда следует обращаться с дальнейшими вопросами.

³ Заявительница сообщила Суду, что г-н Дакаев умер в октябре 2003 года.

84. 1 марта 2005 года представлявший Заявительницу адвокат Московской Областной Коллегии Адвокатов обратился с запросом в Главную Военную Прокуратуру. Он просил предоставить ему доступ к материалам дела, возбужденного в связи с похищением ее мужа. 21 марта 2005 года в ходе телефонного разговора сотрудник Главной Военной Прокуратуры проинформировал адвоката о том, что Заявительница лишена статуса потерпевшей по уголовному делу, и поэтому она более не имеет права на ознакомление с материалами дела, как лично, так через представителя.

85. В мае и октябре 2005 года Правительство предоставило дополнительную информацию о расследовании. Оно утверждало, что расследование похищения Саид-Магомеда Имакаева установило, что он был задержан 2 июня 2002 года, но был впоследствии отпущен и передан главе Шалинской администрации, г-ну Дакаеву. Г-н Дакаев не мог быть допрошен следствием, так как умер. Расследование также установило, что в доме Имакаевых была обнаружена «идеологическая литература пропагандистского характера и экстремистской направленности». Никаких других деталей о данной литературе предоставлено не было, так как она была уничтожена.

86. Все это было установлено на основании показаний сотрудников специальных сил, принимавших участие в контртеррористической операции в Чечне в 2002 году. Среди них был военнослужащий, написавший 2 июня 2002 года Заявительнице расписку. Правительство пояснило, что в соответствии со ст. 15 Закона о Борьбе с Терроризмом, предоставление информации о сотрудниках специальных сил, принимавших участие в контртеррористических операциях, не разрешено.

87. Далее Правительство указало, что после того, как расследование уголовного дела военной прокуратурой было прекращено, Шалинской районной прокуратурой 16 ноября 2004 года было возбуждено новое уголовное дело №36125 по ст. 105 УК РФ (убийство). Для расследования данного сложного дела была создана следственная группа. В ходе расследования было допрошено около 70 человек, включая главу администрации селения Новые Атаги, представителя Шалинской районной администрации и соседей Заявительницы. Однако у свидетелей не было информации о похищении или последующем местонахождении пропавшего без вести. Местонахождение г-на Имакаева или его труп, или факт того, что он умер, не могли быть установлены. Ввиду указанного, 16 февраля 2005 года расследование было приостановлено в связи с неустановлением подозреваемых в совершении преступления. Несмотря на это действия, направленные на раскрытие преступления, продолжали предприниматься.

88. Заявительница была признана потерпевшей по новому уголовному делу, однако данное постановление не было ей передано, так как она уехала из России. Кроме того, нельзя было провести ее допрос по делу. Следствие направило соответствующие поручения в правоохранительные органы США, однако они не были выполнены.

5. Допрос Заявительницы

89. Заявительница утверждает, что она была дважды допрошена российскими властями в связи с подачей жалобы в Европейский Суд по Правам Человека. 24 июля 2002 года Заявительница была допрошена следователем Шалинской районной прокуратуры, который спросил ее о том, сколько ей пришлось заплатить для того, что подать жалобу в Европейский Суд. Заявительница ответила, что пока ей не пришлось оплачивать юридические услуги, однако следователь продемонстрировал свое недоверие ее объяснениям.

90. В начале августа 2002 года в поисках информации о своем муже Заявительница лично обратилась в Шалинскую военную комендатуру к коменданту генералу Нахаеву. Генерал Нахаев спрашивал ее о подаче жалобы в Европейский Суд по Правам Человека и предположил, что «гражданину России нужно 15 тысяч долларов или больше для того, чтобы обратиться в Европейский Суд». После этого он спросил, сколько ей пришлось заплатить. Когда Заявительница сказала, что ей не пришлось платить, комендант, по всей очевидности, сказал ей о том, что ее муж был задержан из-за своего участия в финансировании деятельности боевиков. На основании данного разговора Заявительница пришла к выводу о том, что задержание ее мужа был каким-то образом связано с ее обращением в Европейский Суд, так как оба вопроса касались финансов.

6. Запрос о предоставлении материалов уголовных дел

91. В июле 2003 года жалоба была коммуницирована Российскому Правительству, у которого были запрошены копии материалов уголовных дел, возбужденных в связи с похищением сына и мужа Заявительницы. В сентябре 2003 года Правительство ответило, что предоставление копий материалов дел не представляется возможным, так как по обоим делам все еще проводится расследование. Суд повторил запрос в октябре и ноябре 2003 года, однако Правительство настаивало на том, что копия материалов дела может быть предоставлена только после завершения расследования. В своем письме от 15 декабря 2003 года Правительство утверждало, что предоставление документов до завершения расследования может привести к вмешательству в права участников процесса и третьих лиц, например, в право ознакомления с уголовным делом. Правительство утверждает, что копия ряда документов из материалов дела может быть предоставлена с течением времени.

92. В феврале 2004 года Суд повторил свой запрос о предоставлении копий документов. Он также пригласил Правительство представить детальную справку о расследовании. В марте 2004 года Правительство отказало в удовлетворении данного запроса. Оно проинформировало Суд о том, что ряд документов были классифицированы как «секретные» в соответствии с разделом 5 § 4 Закона о Государственной Тайне, так как они содержали информацию, полученную в результате оперативно-розыскной деятельности. Что касается справки о ходе расследования, Правительство предоставило следующую информацию о расследовании похищения мужа Заявительницы:

«По указанному уголовному делу был проведен целый ряд следственных действий, был установлен ряд возможных свидетелей с места происшествия. В основном ими являются военнослужащие, которые в настоящее время выбыли с территории Чеченской Республики в другие регионы Российской Федерации. Соответствующие следственные поручения были направлены по месту их пребывания. Часть поручений была выполнена, для выполнения других требуется дополнительное время».

93. 20 января 2005 года жалоба была объявлена приемлемой, после чего обе стороны представили свои комментарии по существу дела. В то же самое время Суд попросил стороны изложить свою позицию относительно возможного нарушения Статьи 2 Конвенции в отношении мужа Заявительницы. В сентябре 2005 года Суд обратился к сторонам за дополнительными комментариями относительно соблюдения Правительством Статьи 38 Конвенции в виду его отказа предоставить запрошенные документы. В октябре 2005 года Правительство предоставило 32 страницы из материалов уголовного дела №23001, возбужденного в связи с похищением сына Заявительницы. Из нумерации страниц следует, что в деле было, по крайней мере, 240 страниц. Правительство также предоставило семь страниц из материалов уголовного дела №36125,

возбужденного в ноябре 2004 года Шалинской районной прокуратурой по ст. 105 ч. 1 (убийство). Данные документы суммированы ниже, в части В.

94. Правительство не предоставило никаких документов из материалов первоначального уголовного дела, возбужденного в связи с похищением Саид - Магомеда Имакаева, которое было прекращено в июле 2004 года. Оно указало, что предоставление других документов невозможно из-за того, что они содержат государственную тайну, и их представление в Суд нарушило бы ст. 161 УПК РФ, негативно отразилось бы на расследовании, на правах и интересах участников процесса.

В. Предоставленные сторонами документы

1. Документы из уголовного дела № 23001

95. Правительство предоставило 32 страницы документов из материалов уголовного дела о похищении Саид-Хусейна Имакаева. Данные документы содержат только официальные постановления о возбуждении, приостановлении и возобновлении предварительного следствия и извещения Заявительницы о данных мерах. Другой информации, такой как показания свидетелей (в том числе тех, что были получены от Заявительницы), информационных запросов в различные органы и их ответов и т.д., предоставлено не было.

96. В соответствии с представленными документами, расследование было начато 4 января 2001 года следователем Шалинской районной прокуратуры по ст. 126 ч. 2 (похищение). В постановлении содержалась ссылка на информацию о том, что Саид-Хусейн Имакаев был задержан неизвестными лицами в камуфляжной форме одежды и масках при въезде в Новые Атаги, а затем увезен в неизвестном направлении. Уголовное дело было возбуждено по заявлению Заявительницы в прокуратуру от 29 декабря 2000 года.

97. Расследованием было установлено, что данные «неизвестные лица» были вооружены автоматическим оружием и использовали серо-белые автомобиль УАЗ-452, в который они усадили Имакаева и увезли его в город Шали. Местонахождение Имакаева, личность его похитителей и нахождение автомобиля ВАЗ -2106 не были установлены.

98. 24 июля 2002 года Заявительница была признана потерпевшей по уголовному делу.

99. В период с января 2001 года по октябрь 2005 года следствие было приостановлено и возобновлено, по крайней мере, пять раз. Указание прокурора от 5 июля 2002 года, которым было возобновлено предварительное следствие, говорит о том, что постановление о приостановлении расследования было необоснованным, так как следствие не установило и не допросило очевидцев и не установило, было ли данное преступление совершено членами незаконных вооруженных формирований в целях дискредитации федеральных сил. 17 октября 2005 года прокурор Шалинского района вновь вынес указание о возобновлении расследования, о допросе Заявительницы в США и о принятии других мер по установлению личностей виновных в совершении преступления.

2. Документы из материалов уголовного дела № 36125

100. В октябре 2005 года Правительство предоставило копии ряда документов из уголовного дела №36125, возбужденного в ноябре 2004 года Шалинской районной прокуратурой. Дело было возбуждено на основании точно не указанных документов из Главной Военной Прокуратуры в отношении Саид-Магомеда Имакаева. Указания прокурора говорили о том, что 2 июня 2002 года Саид-Магомед Имакаев был задержан в своем доме военнослужащими федеральных сил по подозрению в участии в деятельности незаконных вооруженных

формирований. Имакаева доставили в район, в расположение ФСБ в Шали, где он был передан главе администрации Шали, г-ну Дакаеву. Его дальнейшее местопребывание неизвестно. В указаниях говорилось о том, что имеются основания полагать, что г-н Имакаев стал жертвой преступления, и имелась ссылка на ст. 105 ч. 1 УК РФ (убийство).

101. 5 мая 2005 года расследование было приостановлено в связи с неустановлением подозреваемых в совершении преступления. 17 октября 2005 года расследование было возобновлено. В тот же самый день Заявительница была признана потерпевшей, однако данное решение не могло быть ей вручено из-за ее отсутствия.

3. Информация, предоставленная по жалобе № 29133/03

102. Как указывалось выше, в ночь на 2 июня 2002 года кроме Саид-Магомед Имакаева, еще четверо других мужчин были задержаны в селении Новые Атаги. Ими были Ислам Уцаев, Мовсар Тайсумов, Идрис Абдулазимов и Масуд Товмерзаев, которые также исчезли после ареста (см. выше § 48). Их родственники обратились в Европейский Суд по Правам Человека с жалобой о насильственном исчезновении, которая была зарегистрирована под номером 29133/03, [*Utsayeva and Others v. Russia*](#). Их интересы в Суде также представляет Организация SRJI.

103. Родственники четверых мужчин указали в своей жалобе, что проводили поиски своих пропавших без вести родственников вместе с Заявительницей по данному делу, и при поддержке главы администрации селения Новые Атаги, г-на Дацаева. По их заявлению Шалинская районная прокуратура возбудила уголовное дело о похищении их родственников за №59176 в отношении Ислама Уцаева, за №59155 в отношении Мовсара Тайсумов, за №59159 в отношении Идриса Абдулазимова и за №59154 в отношении Масуда Товмерзаева. Из полученных от различных органов власти ответов родственники четверых задержанных мужчин также поняли, что в определенный момент расследование было объединено в одно производство с делом, изначально возбужденным в связи с похищением Саид-Магомед Имакаева. Заявители также поняли, что в октябре 2002 года расследование было передано из Шалинской районной прокуратуры в военную прокуратуру, а затем передано назад в Шали. Предварительное следствие по делу приостанавливалось и возобновлялось несколько раз, однако виновные в похищении установлены не были.

104. При коммуникации жалобы Российскому Правительству в сентябре 2004 года Европейский Суд по Правам Человека потребовал предоставить копии материалов уголовных дел, возбужденных в связи с похищением 2 июня 2002 года четверых мужчин. В ответ Правительство отказалось это сделать, сославшись на ст. 161 УПК РФ. Оно отрицало то, что четверо мужчин задерживались федеральными властями. Оно согласилось с тем, что Саид-Магомед Имакаев был задержан в ту ночь государственными органами, однако настаивало на то, что его задержание было законным, и что позднее он был отпущен.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Уголовно-Процессуальный Кодекс

105. До 1 июля 2002 года уголовно-процессуальные отношения регулировались Уголовно-Процессуальным Кодексом РСФСР 1960 года. С 1 июля 2002 года старый Кодекс был заменен Уголовно-Процессуальным Кодексом РФ (УПК).

106. Статья 161 нового УПК устанавливает правило недопустимости разглашения данных предварительного расследования. В соответствии с частью 3 данной статьи, данные предварительного расследования могут быть преданы гласности лишь с разрешения прокурора, следователя, дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Разглашение данных о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их согласия не допускается.

2. Закон о Борьбе с Терроризмом

107. Федеральный закон от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» предусматривает:

Статья 3. Основные понятия

«Для целей настоящего Федерального закона применяются следующие основные понятия:

...борьба с терроризмом - деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий террористической деятельности;

контртеррористическая операция - специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также на минимизацию последствий террористической акции;

зона проведения контртеррористической операции - отдельные участки местности или акватории, транспортное средство, здание, строение, сооружение, помещение и прилегающие к ним территории или акватории, в пределах которых проводится указанная операция...»

Статья 13. Правовой режим в зоне проведения контртеррористической операции

1. В зоне проведения контртеррористической операции лица, проводящие указанную операцию, имеют право:

...2) проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие их личность, а в случае отсутствия таких документов задерживать указанных лиц для установления личности;

3) задерживать и доставлять в органы внутренних дел Российской Федерации лиц, совершивших или совершающих правонарушения либо иные действия, направленные на воспрепятствование законным требованиям лиц, проводящих контртеррористическую операцию, а также действия, связанные с несанкционированным проникновением или попыткой проникновения в зону проведения контртеррористической операции;

4) беспрепятственно входить (проникать) в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности, в транспортные средства при пресечении террористической акции, при преследовании лиц, подозреваемых в совершении террористической акции, если промедление может создать реальную угрозу жизни и здоровью людей;

5) производить при проходе (проезде) в зону проведения контртеррористической операции и при выходе (выезде) из указанной зоны личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, досмотр транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств...»

Статья 15. Информирование общественности о террористической акции

2. Не допускается распространение информации:

1) раскрывающей специальные технические приемы и тактику проведения контртеррористической операции;

4) о сотрудниках специальных подразделений, членах оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией при ее проведении, а также о лицах, оказывающих содействие в проведении указанной операции.

Статья 21. Освобождение от ответственности за причинение вреда

При проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное причинение вреда жизни, здоровью и имуществу террористов, а также иным правоохраняемым интересам. При этом военнослужащие, специалисты и другие лица, участвующие в борьбе с терроризмом, освобождаются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации».

3. Закон о государственной тайне № 5485-1 от 21 июля 1993)

108. Закон о Государственной Тайне 1993 года с последующими изменениями и дополнениями перечисляет в ст. 5 ч. 4 виды информации, представляющие собой государственную тайну в области разведки, контрразведки и оперативно-розыскной деятельности. Они включают, среди прочего, информацию о мерах, источниках, методах, планах и результатах данных видов деятельности; данные о тех, кто сотрудничает на основе конфиденциальности с органами, занимающимися данными видами деятельности; данные об организации и методах поддержания режима секретности в государственных учреждениях и системы засекреченной коммуникации.

ПРИМЕНЯЕМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

I. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

109. Заявительница утверждает, что ее сын и муж были задержаны представителями государства, после чего исчезли. Она пригласила Суд прийти к выводам относительно фактической обоснованности ее утверждений исходя из факта не представления Правительством запрошенных у него документов.

110. Правительство сослалось на отсутствие выводов проводящегося расследования, и отрицает ответственность государства за исчезновение родственников Заявительницы.

1. Основные принципы

111. По делам, в которых имеются разногласия при описании происшедших событий, при установлении фактических обстоятельства Суд неизбежно сталкивается с такими же трудностями, что и суд первой инстанции. Когда, как по данному делу, Правительство государства-ответчика имеет исключительный доступ к информации, подтверждающей или опровергающей утверждения заявителей, любое отсутствие сотрудничества со стороны Правительства без приемлемых на то объяснений может дать основания для умозаключений об обоснованности утверждений заявителей (см. *Taniş and Others v. Turkey*, no. 65899/01, § 160, ECHR 2005-...).

112. Суд напоминает о ряде принципов, разработанных в своем прецедентном праве и применяемых при установлении фактов, по которым у сторон имеются разногласия. Что касается таких оспариваемых фактов, то Суд напоминает о том, что его практика придерживается при оценке доказательств стандарта доказывания «вне разумного сомнения» (см. *Avşar v. Turkey*, no. 25657/94, § 282, ECHR 2001-VII (выдержки)). Такое доказательство может вытекать из сосуществования достаточно обоснованных, четких и взаимно подтверждающих умозаключений или аналогичных неопровержимых презумпций факта. В данном

контексте, поведение сторон при получении доказательств должно приниматься во внимание (см. *Taniş and Others v. Turkey*, указанное выше, § 160).

113. Суд чутко относится к вспомогательной сущности своей роли и признает, что должен проявлять осторожность, принимая на себя роль суда первой инстанции по установлению фактов, когда это является неизбежным при обстоятельствах конкретного дела (см., например, *McKerr v. the United Kingdom (dec.)*, no. 28883/95, 4 April 2000). Тем не менее, когда заявлены обвинения в нарушении Статей 2 и 3 Конвенции, Суд обязан провести особо тщательную проверку (см. *mutatis mutandis, the Ribitsch v. Austria* judgment of 4 December 1995, Series A no. 336, § 32; и *Avşar v. Turkey*, указанное выше, § 283) даже если определенные внутренние процедуры и расследование уже были проведены.

114. Там, где рассматриваемые события целиком или в большей мере, находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами находящимися под их контролем при содержании под стражей, возникают серьезные предположения о фактических обстоятельствах, имевших место в связи с повреждениями и смертью, происшедшими во время нахождения под стражей. Таким образом, можно считать, что бремя доказывания и обеспечение удовлетворительных и убедительных объяснений лежит на властях (см. *Tomasi v. France*, 27 August 1992, Series A no. 241-A, pp. 40-41, §§ 108-111; *Ribitsch v. Austria*, указанное выше, § 34; и *Selmouni v. France [GC]*, no. 25803/94, § 87, ECHR 1999-V).

115. Данные принципы применяются также по делам, в которых, несмотря на то, что не было доказано, что лицо задержано властями, возможно установить, что оно попало под стражу под их контролем и с тех пор его не видели. При таких обстоятельствах, обязанностью государства является обеспечение приемлемого объяснения тому, что произошло и демонстрация того, что данное лицо не задерживалось властями, а покинуло место нахождения под стражей без последующего лишения свободы (см. *Taniş* указанное выше, § 160).

116. И, наконец, когда местными судами рассматривалось дело о таких же утверждениях, необходимо иметь ввиду то, что уголовная ответственность отличается от международно-правовой ответственности по Конвенции. Компетенция Суда связана с последней. Ответственность, предусмотренная Конвенцией, основана на ее собственных нормах, которые следует интерпретировать и применять на основании целей Конвенции и в свете соответствующих принципов международного права. Ответственность государства по Конвенции, возникающая из актов его органов, агентов и служащих, не должна путаться с местными правовыми вопросами индивидуальной уголовной ответственности, рассматриваемыми местными уголовными судами. В этом смысле Суд не озабочен выяснением в своих выводах вопросов вины или невиновности (см. *Avşar*, указанное выше, § 284).

2. Применение по данному делу

117. Перечисленные выше принципы были разработаны в контексте жалоб против Турции, в которых заявители жаловались на насильственные исчезновения или утверждали, что государство-ответчик несет ответственность за смерть их родственников. При выполнении задачи по установлению фактов по делу, органы Конвенции регулярно предпринимали миссии по установлению фактов в целях получения показаний свидетелей, в дополнение к оценке поданных сторонами доводов и документальных доказательств. Таким образом, даже при наличии противоречий в фактических обстоятельствах или при отсутствии сотрудничества со стороны Правительства, Суд и до него Комиссия по Правам Человека, могли

прийти к выводам о фактах по делу на основании непосредственных показаний, которым придавалось особая важность.

118. В поданных ранее жалобах о серьезных нарушениях прав человека в Чечне, в которых заявители и Правительство оспаривали причастность государства к смерти родственников заявителей, Суд провел слушание и получил от Правительства копии документов из материалов уголовного дела, которые легли в основу принятого Судом постановления (см. *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, nos. 57942/00 and 57945/00, § 138-139, 24 February 2005).

119. Ситуация по данному делу другая. Заявительница выдвигает очень серьезные обвинения, подтвержденные собранными ею доказательствами. Правительство отказалось предоставить какие-либо документы, могущие пролить свет на судьбу сына Заявительницы и ее мужа, и не предоставило какого-либо приемлемого объяснения их задержанию и последующей участи. В виду такого очевидного отсутствия сотрудничества, Суд обязан принять решение на основании имеющихся в его распоряжении материалов.

(а) В отношении Саид-Хусейна Имакаева

120. Заявительница утверждает, что ее сын был задержан военнослужащими 17 декабря 2000 года, после чего исчез. Она ссылается на показания очевидцев, описывающих похитителей как «военных» и указывающих, что те использовали военные транспортные средства, а именно УАЗ и, по показаниям одного свидетеля, БТР. Она также настаивает на том, что похищение произошло при въезде в селение Новые Атаги, в непосредственной близости от охранявшего село военного блокпоста (см. §§ 12-15 и 96).

121. Учитывая данные показания, Суд коммуницировал жалобу Заявительницы Российскому Правительству и попросил его предоставить документы из материалов уголовного дела, возбужденного в связи с похищением Саид-Хусейна Имакаева. Данный запрос был направлен, по крайней мере, четыре раза, как до, так и после объявления жалобы приемлемой, так как содержащиеся в этом уголовном деле доказательства считались Судом имеющими важнейшее значение для установления фактов по рассматриваемому делу.

122. В представленных в Суд документах Правительство не отрицает того, что Саид-Хусейн Имакаев был похищен неизвестными вооруженными людьми 17 декабря 2000 года при въезде в Новые Атаги. Однако оно не представило информации о его местонахождении, просто указав, что расследование похищения продолжается. Оно отказалось предоставить какие-либо документы по существу вопроса из материалов уголовного дела, сославшись на ряд причин. Во-первых, оно указало, что расследование все еще продолжается; что материалы содержат ряд секретных документов и, наконец, сослалось на ст. 161 УПК РФ, запрещающую предоставление в Суд данных документов.

123. Суд неоднократно напоминал Правительству о возможности применения Правила 33 § 2 Регламента Суда, разрешающего ограничение принципа публичной сущности подаваемых в Суд документов по законным основаниям, таким, как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересы правосудия. Однако соответствующего запроса по данному делу сделано не было. Суд далее отмечает, что положения ст. 161 УПК РФ, на которые ссылается Правительство, не предотвращают предоставление документов из материалов проводящегося следствия, а просто устанавливают процедуру и ограничения такого предоставления. Правительство не указало сущность данных документов и основания, по которым они не могут быть предоставлены (см. аналогичные выводы по делу *Mikheyev v. Russia*, no. 77617/01, § 104, 26 January 2006). Суд также напоминает о том, что ряд сравнимых дел уже рассматривался Судом и находится на его рассмотрении, аналогичные запросы были сделаны Российскому

Правительству, и документы из материалов уголовного дела предоставлялись без ссылки на ст. 161 УПК РФ (см., к примеру, *Khashiyev and Akayeva v. Russia* указанное выше, § 46; *Magomadov and Magomadov v. Russia (dec.)*, no. 58752/00, 24 November 2005). По указанным причинам Суд считает объяснения Правительства о непредставлении материалов уголовного дела недостаточными для обоснования того, что им удерживается запрошенная Судом важная информация.

124. В виду изложенного и учитывая указанные выше принципы, Суд находит, что он может сделать выводы из поведения Правительства в данном отношении. Суд считает, что Заявительница предоставила целостную и убедительную картину задержания ее сына 17 декабря 2000 года. Судом не получено никаких материалов, которые бы могли бросить тень сомнения на достоверность показаний Заявительницы или предоставленную ею информацию. Несмотря на то, что она сама не была непосредственным очевидцем происшедшего, она указала о трех очевидцев событий и собрала их показания, в которых говорилось об участии в похищении военнослужащих или сотрудников сил безопасности. Четвертый свидетель проинформировал Заявительницу о том, что видел в селении Новые Атаги машину Саид-Хусейна Имакаева, когда за ней ехал БТР (см. выше §§ 14-16). В своих обращениях к властям, Заявительница постоянно указывала на то, что ее сын был задержан неизвестными военнослужащими, и просила провести расследование для установления их личности (см. выше § 17). В соответствии с Правительством, еще в 2001 году расследование задержания Саид-Хусейна Имакаева предприняло меры для выяснения, был ли он задержан МВД, ФСБ или военным командованием (см. § 22). В письме, направленном Заявительнице в июле 2002 года прокуратурой Чечни говорилось о том, что расследование было сфокусировано на версии о том, что ее сын был задержан сотрудниками «силовых структур» (см. выше § 26). Несмотря на утверждения Правительства о том, что похищение могло быть совершено членами незаконных вооруженных формирований в целях дискредитации федеральных сил (см. выше § 28), в Суд не было предоставлено соответствующих доказательств.

125. В этом отношении Суд отмечает, что отсутствие каких-либо записей о содержании под стражей Саид-Хусейна Имакаева не может само по себе считаться решающим доказательством того, что он не был задержан. В аналогичной ситуации с его отцом, Саид-Магомедом Имакаевым, вначале задержание также отрицалось властями, однако через два года оно было признано ими без представления каких-либо регистрационных записей о содержании под стражей.

126. Более того, по такому делу как рассматриваемое, Суд находит вызывающим особое сожаление факт того, что по делу не было проведено тщательного расследования фактических обстоятельств со стороны местных органов прокуратуры или судов. Несколько предоставленных Правительством документов из материалов уголовного дела, возбужденного районным прокурором не свидетельствуют о каком – либо прогрессе следствия за более чем пятилетний срок, и, кроме прочего, демонстрируют неполноту и неадекватную сущность предварительного следствия.

127. Соответственно, Суд считает, что имеющиеся в его распоряжении доказательства позволяют ему установить в рамках предусмотренного стандарта доказывания то, что Саид-Хусейна Имакаева видели в последний раз после полудня 17 декабря 2000 года в руках неизвестных военнослужащих или сотрудников служб безопасности. Его последующая участь и местонахождение не могут быть установлены с какой-либо степенью определенности.

(b) В отношении Саид-Магомеда Имакаева

128. Заявительница утверждает, что ее мужа задержали в ранние часы 2 июня 2002 года. Она ссылается на свои показания и собранные ею показания 30

свидетелей, подчеркивая, что в ту ночь четверо других мужчин из селения Новые Атаги были задержаны той же самой группой. Заявительница и другие свидетели предоставили детальное описание некоторых из военнослужащих, проводивших операцию и заметили регистрационные номера используемых ими БТР и УАЗ (см. выше §§ 43-49). Позднее они видели одно из этих транспортных средств в военной комендатуре (см. выше § 61).

129. Суд коммуницировал жалобу Заявительницы Правительству государства-ответчика и попросил представить комментарии и документы из материалов уголовного дела, возбужденного в связи с задержанием мужа Заявительницы. С июля 2002 года до сентября 2005 года данный запрос был повторен, по крайней мере, четыре раза. Эта информация, по мнению Суда, имела важнейшее значение, в виду серьезности и обоснованности утверждений Заявительницы, а также с учетом того, что г-н Имакаев был заявителем по жалобе в данном Суде, и его жена указала, что похищение было способом мести за обращение с жалобой на исчезновение их сына.

130. Вначале Правительство отрицало, что Саид-Магомед Имакаев был задержан правоохранительными органами или службами безопасности. В своем ответе в июле 2002 года Правительство указало, что ни один из правоохранительных органов или служб безопасности, расположенных в Чечне, не проводил в селении Новые Атаги спецоперации в рассматриваемый день, и что Саид-Магомед Имакаев не числился среди задержанных данными органами. Поэтому Правительство указывало на то, что основной версией уголовного расследования его похищения было похищение членами террористической организации для дискредитации федеральных сил (см. выше § 57). Аналогичные ответы были даны органами следствия Заявительнице.

131. Однако в июле 2004 года расследование установило, что муж Заявительницы был действительно задержан по подозрению в участии в террористической организации. Оно также установило, что после допроса в местном отделе ФСБ, его отпустили и передали главе районной администрации, который позднее умер. После этого муж Заявительницы исчез. Это было, по всей видимости, установлено на основании свидетельских показаний ряда военнослужащих, принимавших участие в операции. Правительство отказалось предоставить документы или какие-либо детали расследования, ссылаясь на Закон о Борьбе с Терроризмом и факт того, что материалы дела содержат государственную тайну и их представление в Суд нарушит ст. 161 УПК РФ.

132. Суд находит, что указанные выше выводы относительно непредставления информации и документов о Саид-Хусейне Имакаеве равным образом и полностью применяются к данной ситуации (см. выше § 123). По той же причине Суд приходит к выводу, что объяснения Правительства государства-ответчика полностью несостоятельны для обоснования удерживания особо запрошенной Судом ключевой информации.

133. Ввиду изложенного и учитывая указанные выше принципы, Суд находит, что он может сделать выводы из поведения Правительства и в данном отношении. Заявительница предоставила целостное и убедительное описание событий 2 июня 2002 года, дополненное показаниями десятков свидетелей и подробным описанием конкретных военнослужащих и участвовавших в операции транспортных средств. Данная информация была незамедлительно предоставлена в распоряжение властей, к которым Заявительница обратилась с просьбами о проведении расследования и обеспечения освобождения ее мужа. Однако они не действовали с быстротой, которая могла бы предотвратить его исчезновение. Вместо этого на протяжении более чем двух лет официальные лица отрицали то, что Саид-Магомед Имакаев когда-либо задерживался. В то же самое время

расследование, по всей видимости, получило информацию о том, что муж Заявительницы был действительно задержан по подозрению в участии в незаконной деятельности. На основании свидетельских показаний неназванных военнослужащих, следователи пришли к выводу о том, что после содержания под стражей в течение некоторого времени, его отпустили, несмотря на то, что регистрационные записи о его допросе или освобождении отсутствуют. В июле 2004 года расследование военной прокуратуры было прекращено, и Заявительница была лишена статуса потерпевшей, что привело к лишению ею возможности иметь доступ к материалам уголовного дела и узнать о том, кто и почему задержал ее мужа.

134. Суд отмечает, что простое признание задержания заняло более двух лет, и что при завершении расследования военной прокуратуры заинтересованным сторонам не было предоставлено какой-либо имеющей значение информации. В ноябре 2004 года местная прокуратура в Чечне получила указание раскрыть исчезновение Саид-Магомед Имакаева. Однако, учитывая то, что никакие документы по существу дела из первоначального расследования не были переданы новому расследованию, то оно было изначально предназначено быть безуспешным. Как признает Правительство, несмотря на большое число допрошенных лиц, никто из них не обладал информацией, имеющей отношение к пропавшему без вести мужу Заявительницы. Расследование данного уголовного дела пришлось вновь приостановить без получения какого-либо результата уже через три месяца (см. выше § 87).

135. Соответственно, Суд считает установленным в соответствии со стандартом доказывания «вне разумного сомнения» то, что Саид-Магомед Имакаев был задержан силами безопасности 2 июня 2002 года. Никаких записей о его задержании, допросе или освобождении составлено не было. С того дня он «исчез» и у семьи нет о нем никаких известий.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

136. Заявительница утверждает, что вначале ее сын, а затем и муж были незаконно убиты агентами государства. Она также указывает на то, что власти не провели эффективного и адекватного расследования обстоятельств их исчезновения. Она сослалась на Статью 2 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- с) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

A. Отсутствие защиты права на жизнь Саид-Хусейна Имакаева

1. Доводы сторон

137. Заявительница утверждает, что ее сын Саид-Хусейн Имакаев был задержан военнослужащими 17 декабря 2000 года, и что он был ими убит при обстоятельствах, которые не были оправданы положениями Статьи 2 Конвенции. Она основывает свои выводы на обстоятельствах его задержания, а также на факте того, что в течение 5 лет с момента его задержания нет информации о его

местонахождении, и на том, что власти не предоставили приемлемого объяснения его исчезновению. Далее Заявительница обратила внимание Суда на особые характеристики индивидуальных исчезновений в Чечне, в соответствии с которыми многие из задержанных военными или силами безопасности были обнаружены позднее мертвыми без предоставления каких-либо регистрационных записей об их задержании или освобождении. Заявительница ссылается на доклады правозащитных организаций и жалобы, находящиеся на рассмотрении в Европейском Суде по Правам Человека.

138. Правительство утверждает, что обстоятельства похищения сына Заявительницы и его последующее местопребывание расследуются, и то, что он мертв, не установлено.

2. Оценка Суда

139. Суд напоминает о том, что в дополнение общих указанных выше принципов в отношении установления оспариваемых сторонами фактов (см. выше §§ 111-116), о том, что Статья 2, охраняющая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, когда лишение жизни может быть оправдано, считается одной из наиболее основополагающих положений Конвенции, в которой не предусмотрены исключения. Совместно со Статьей 3, она оберегает одну из основных ценностей демократических сообществ, составляющих Совет Европы. Обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны подвергаться строго ограниченному толкованию. Объект и цель Конвенции как инструмента защиты прав индивидов также требует того, чтобы Статья 2 интерпретировалась и применялась таким образом, чтобы ее гарантии были практическими и эффективными (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, judgment of 27 September 1995, Series A no. 324, § 146-147).

140. В постановлении по делу *Timurtaş v. Turkey* Суд указал на следующее (no. 23531/94, §§ 82-83 ECHR 2000-VI):

«... когда лицо помещается под стражу будучи в добром здравии, но при освобождении оно обнаружено раненым, обязанностью Государства является предоставление достоверного объяснение того, как чем вызваны повреждения, не предоставление которого ведет к возникновению вопроса о нарушении Статьи 3 Конвенции...(...). Аналогичным образом Статья 5 налагает обязательство на Государство предоставить объяснения местонахождению любого задержанного лица, которое таким образом, попало под контроль властей. (...) Вопрос о том, повлечет ли не предоставление властями достоверного объяснения происшедшего с задержанным, при отсутствии тела, возникновение вопроса о нарушении Статьи 2 Конвенции, зависит от всех обстоятельств дела, и, в частности, от наличия достаточных доказательств, основанных на конкретных элементах, на основании которых можно прийти к выводу о том, что, в соответствии с реквизитом стандарта доказывания, задержанный предположительно умер во время содержания под стражей ...»

В данном отношении период времени, прошедший с момента помещения лица под стражу, не являясь решающим, имеет значение как релевантный и должен приниматься во внимание. Должно быть принято то, что чем больше времени проходит без известий о задержанном, тем больше вероятность того, что он или она умерли. Течение времени может, таким образом, до некоторой степени, оказать влияние на значимость других элементов косвенных доказательств до принятия вывода о том, что лицо может считаться мертвым. В данном отношении Суд считает, что эта ситуация поднимает вопрос, выходящий за пределы только лишь неправильного задержания в нарушение Статьи 5. Такое толкование соответствует эффективной защите права на жизнь, предусмотренного Статьей 2, которая ставит его в ряд самых основополагающих положений Конвенции...»

141. В виду изложенного выше, Суд отмечает в данном деле ряд важнейших элементов, которые следует принять во внимание при установлении того, может ли Саид-Хусейн Имакаев считаться умершим, и произошла ли его смерть по вине властей. Суд напоминает о том, что им было установлено, что сына

Заявительницы в последний раз видели 17 декабря 2000 года в руках неустановленных военных или сотрудников сил безопасности. С того самого дня, на протяжении пяти с половиной лет, о нем нет никаких известий. Суд также отмечает ссылку Заявительницы на информацию о феномене «исчезновений» в Чечне, и соглашается с тем, что в контексте конфликта в Чечне, когда лицо задержано неустановленными военнотружашим без последующего признания задержания, оно может считаться задержанным при угрожающих жизни обстоятельствах. Более того, Правительство не предоставило никаких объяснений исчезновению Саид-Хусейна Имакаева и официальное расследование его похищения, длящееся более 5 лет, не привело к каким-либо известным результатам.

142. По указанным причинам Суд считает, что Саид-Хусейн Имакаев должен считаться умершим после непризнанного задержания. Следовательно, речь идет об ответственности государства-ответчика. Отмечая то, что власти не ссылаются на какие-либо обоснования для применения их агентами смертельной силы, ответственность за эту предполагаемую смерть следует возложить на Правительство государства-ответчика.

143. Соответственно, имеет место нарушение Статьи 2 в отношении Саид-Хусейна Имакаева.

В. Неадекватность расследования похищения Саид-Хусейна Имакаева

1. Доводы сторон

144. Заявительница утверждает, что Правительство государства-ответчика в нарушение процедурного аспекта Статьи 2, не провело независимого, эффективного и тщательного расследования обстоятельств исчезновения Саид-Хусейна Имакаева. Она утверждает, что расследование не соответствовало стандартам Европейской Конвенции и национального законодательства. Она указала на неоднократные приостановления следствия и на факт того, что по прошествии пяти с половиной лет расследование не завершено и не привело к каким-либо известным результатам. Власти систематически не информировали ее о ходе расследования и отказались предоставить документы по существу.

145. Правительство оспаривает то, что в расследовании имелись недостатки.

2. Оценка Суда

(а) Основные принципы

146. Обязательство по защите жизни, предусмотренное Статьей 2 Конвенции, и трактуемое в сочетании с общей обязанностью Государства по Статье 1 Конвенции «обеспечить каждому в пределах своей юрисдикции права и свободы определенные в Конвенции», также предполагает то, что должно быть проведено эффективное расследование при убийстве лица в результате применения летальной силы (см, *mutatis mutandis, the McCann and Others v. the United Kingdom judgment* указанное выше, р. 49, § 161, и *Kaya v. Turkey judgment of 19 February 1998, Reports 1998-I, р. 329, § 105*). Основной целью такого расследования является обеспечение эффективного воплощения национального законодательства, защищающего право на жизнь и в случаях с участием агентов государства или государственных структур, обеспечение привлечения их к ответственности за смерть, происшедшую под их ответственностью. Какая форма расследования достигает указанной цели, зависит от различных обстоятельств. Однако, независимо от того, какова его форма, власти, как только им стало известно о происшедшем, обязаны действовать по собственной инициативе. Они не могут оставить данную инициативу по подаче формальной жалобы или несению ответственности за проведение любых следственных действий

родственнику лица (см, *mutatis mutiis*, *İlhan v. Turkey [GC]* no. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII).

147. Для того чтобы расследование незаконного убийства агентами Государства было эффективным, то, как правило, лица ответственные за проведение расследования, должны быть независимы от тех, кто имеет отношение к рассматриваемому делу (*Güleç v. Turkey* решение от 27 July 1998, Reports 1998-IV, §§ 81-82, и *Öğur v. Turkey [GC]*, no. 21954/93, §§ 91-92, ECHR 1999-III). Расследование также должно быть эффективным, то есть оно должно быть способным привести к установлению того, была ли примененная сила оправдана при данных обстоятельствах (например, *Kaya v. Turkey*, указано выше, § 87), а также установлению и наказанию виновных (*Öğur v. Turkey*, указано выше, § 88). Это обязательство не результатов, а средств. Власти обязаны предпринимать разумные шаги для сохранности доказательств происшедшего, в том числе, показаний свидетелей (см., в отношении свидетелей, *Tanrikulu v. Turkey*, указано выше, § 109). Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину смерти или виновных, несет в себе риск не соответствия данному стандарту.

148. Также в данном контексте существует требование о своевременности и разумной длительности расследования. Понятно, что могут быть обстоятельства или трудности, препятствующие прогрессу в расследовании определенной ситуации. Однако своевременный ответ властей при расследовании применения летальной силы или исчезновения является важнейшим для поддержания общественной уверенности в правопорядке, предотвращении незаконных действий и нетерпимости по отношению к ним (см. *Tanrikulu v. Turkey*, указанное выше, § 109; *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-107).

(b) Применение в данном деле

149. По данному делу было проведено расследование похищения сына Заявительницы. Суд должен оценить, было ли данное расследование проведено в соответствии с требованиями Статьи 2 Конвенции.

150. Суд отмечает, что единственная процессуальная следственная мера-признание Заявительницы потерпевшей по уголовному делу, была проведена только в июле 2002 года, т.е. через полтора года после возбуждения уголовного дела. Указания прокурора от июля 2002 года и октября 2005 года не предполагают того, что расследование достигло какого-либо прогресса в раскрытии исчезновения Саид-Хусейна Имакаева, в то время как Правительство отказалось предоставить другие документы из материалов дела или указать их содержание. Кроме того, Суд отмечает дальнейшие несоответствия в различных документах о приостановлении расследования, полученные из различных органов власти (см. выше §§ 21, 26 и 28).

151. При данных обстоятельствах Суд считает, что государство-ответчик не выполнило своего обязательства по проведению эффективного, своевременного и тщательного расследования исчезновения сына Заявительницы. Следовательно, в данном отношении имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции.

С. Отсутствие защиты права на жизнь Саид-Магомеда Имакаева

152. Заявительница утверждает, что ее муж, Саид-Магомед Имакаев, был задержан военнослужащими при угрожавших его жизни обстоятельствах. Учитывая время, в течение которого о нем нет новостей, он должен считаться умершим в руках представителей государства.

153. Правительство сослалось на отсутствие выводов местного расследования относительно местонахождения г-на Имакаева. Оно утверждает, что

расследование проверило версию убийства, однако не нашло соответствующих доказательств для ее обоснования или для предъявления обвинения.

154. Суд напоминает о применении общих принципов, указанных выше (см. §§ 111-116). В отношении Саид-Магомеда Имакаева, могут быть установлены следующие ключевые элементы. Было установлено, что Саид-Магомед Имакаев был задержан военнослужащими во время специальной операции 2 июня 2002 года. Его семья с тех пор не получала о нем известий. Регистрационных записей его задержания, допроса или освобождения составлено не было, и до июля 2004 года власти отрицали перед Заявительницей и перед Судом то, что его когда-либо задерживали. В июле 2004 года его задержание было признано, с обширной ссылкой на Закон о Борьбе с Терроризмом. В то же самое время расследование уголовного дела о действиях военнослужащих было прекращено в связи с отсутствием состава преступления. Расследование пришло к выводу, что военнослужащие действовали в рамках закона, и что Саид-Магомед Имакаев был отпущен через некоторое время после задержания, из Шалинского районного отдела ФСБ и передан главе Шалинской районной администрации, который к тому времени умер, и поэтому не мог быть допрошен. Никакой информации по существу расследования Заявительнице или Суду предоставлено не было, несмотря на ряд соответствующих запросов. Более того, она не была предоставлена районному прокурору, которому было отдано указание о возбуждении в ноябре 2004 года нового уголовного дела о возможном убийстве Саид-Магомеда Имакаева. Он не был ознакомлен с показаниями военнослужащих, которые, очевидно, были последними людьми, видевшими Имакаева живым. Новое расследование не установило имевших отношение к делу свидетелей и не собрало какой-либо информации о пропавшем без вести (см. выше § 87).

155. Суд считает, что Саид-Магомед Имакаев был задержан при обстоятельствах, которые могут быть описаны как угрожавшие его жизни (см. выше § 141). Отсутствие о нем на протяжении почти четырех лет каких-либо новостей подтверждает данное предположение. Более того, поведение прокуратуры и других правоохранительных органов после того, как известие о его задержании были предоставлены им Заявительницей, внесли значительный вклад в возможность исчезновения, по причине того, что в решающие первые дни или недели после задержания ими не были предприняты необходимые меры. Их поведение перед лицом обоснованных жалоб Заявительницы дает веские основания полагать, что они были, по крайней мере, согласны с создавшейся ситуацией и ставит под вопрос объективность расследования.

156. По указанным выше причинам, Суд считает, что Саид-Магомед Имакаев должен считаться умершим после непризнанного задержания властями государства. Правительство государства-ответчика не сослалось на обоснования законности лишения его жизни.

157. Соответственно, имеет место нарушение Статьи 2 в отношении Саид - Магомеда Имакаева.

D. Неадекватность расследования похищения Саид-Магомеда Имакаева

158. Заявительница утверждает, что расследование исчезновения ее мужа не достигло уровня, предусмотренного процедурными обязательствами по Статье 2. В частности, она ссылается на то, что власти не действовали незамедлительно после его задержания, а также на отказ властей предоставить информацию о расследовании. Она также указала, что постановление о лишении ее процессуального статуса потерпевшей в рамках уголовного дела, вынесенное военной прокуратурой, нарушило ее право на информацию о ходе расследования.

159. Правительство утверждает, что расследование соответствует требованиям Статьи 2. Оно указывает на то, что новое расследование, начатое в ноябре 2004 года Шалинской районной прокуратурой, предприняло необходимые меры для раскрытия преступления, однако, тем не менее, не смогло этого сделать. Заявительница выехала на постоянное место жительства в США, и поэтому и избегает контакта с правоохранительными органами, которые не могут допросить ее об обстоятельствах дела.

160. Учитывая изложенное в отношении расследования похищения Саид-Магомеда Имакаева как военной прокуратурой, так и Шалинской районной прокуратурой (см. §§ 133-134), Суд считает, что и в данном отношении имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

161. Заявительница жалуется на то, что страдания, причиненные ей в связи с исчезновением близких родственников, представляют собой обращение, запрещенное Конвенцией. Она ссылается на Статью 3 предусматривающую:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

162. Заявительница утверждает, со ссылкой на прецедентное право Суда, что сама стала жертвой нарушения Статьи 3. Она подчеркивает, что в результате исчезновения ее сына и мужа, безразличия властей к расследованию и ее допроса, она и ее семья в 2004 году были вынуждены оставить свой дом и искать убежища в другой стране.

163. Правительство отрицает, что Заявительница стала жертвой обращения, нарушающего Статью 3, ссылаясь на отсутствие такой информации в материалах местного расследования.

164. Суд напоминает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, нарушающего Статью 3, зависит от существования специальных факторов, придающих страданию заявителя характер и степень, отличные от эмоционального расстройства, которое может неизбежно возникнуть у родственника жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие элементы включают степень близости семейных уз, в данном контексте, определенную значимость имеют связи родителей с детьми, особенности отношений, то до какой степени член семьи стал свидетелем рассматриваемых событий, участие членов семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем и то, как власти отреагировали на такие обращения. (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 358, 18 June 2002; *Çakıcı v. Turkey*, указанное выше, § 98; и *Timurtaş v. Turkey*, указанное выше, § 95). Суд хотел бы подчеркнуть, что сущность такого нарушения состоит не в факте исчезновения члена семьи, а в том, как власти отреагировали и их отношение к этому, после того, как им стало известно о происшедшем. Особенно в отношении последнего фактора родственники могут требовать признания того, что стали жертвой поведения властей (*Çakıcı v. Turkey*, указано выше, § 98).

165. По данному делу Суд отмечает, что Заявительница является близкой родственницей двух исчезнувших мужчин - матерью Саид-Хусейна Имакаева и женой Саид-Магомеда Имакаева, и что она присутствовала при задержании ее мужа. У нее нет новостей о сыне на протяжении пяти с половиной лет и о муже на протяжении трех с половиной лет. В этот период Заявительница обращалась в различные органы власти с запросами о членах своей семьи, как лично, так и письменно. Несмотря на ее попытки, она не получила приемлемого объяснения или информации о том, что произошло с ними после задержания. Ответы,

полученные Заявительницей, преимущественно отрицали ответственность государства или просто информировали ее о том, что расследование продолжается. Указанные выше выводы Суда о процедурных аспектах Статьи 2 также имеют отношение и к данному вопросу (см. §§ 150-151, 160). В качестве дополнительного элемента страданий Заявительницы, Суд отмечает необоснованный отказ властей предоставить ей доступ к материалам уголовного дела, которые могли пролить свет на судьбу ее родственников, прямо или через рассмотрение ее жалобы в этом Суде.

166. Ввиду изложенного, Суд считает, что Заявительница перенесла страдания и продолжает страдать от тревоги и душевных переживаний, в результате исчезновения ее сына и мужа и ее неспособности выяснить, что с ними произошло. То, каким образом власти обращались с ее жалобами должно считаться представляющим собой бесчеловечное обращение, нарушающее Статью 3.

167. Поэтому Суд приходит к выводу о том, что в отношении Заявительницы имеет место нарушение Статьи 3.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

168. Заявительница жалуется, что положения Статьи 5 в целом были нарушены в отношении Саид-Хусейна и Саид-Магомеда Имакаевых. Статья 5 предусматривает:

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

г) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

д) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

е) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом "с" пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

1. Доводы сторон

169. Заявительница утверждает, что ее сын и муж стали жертвами непризнанного задержания, в нарушение национального законодательства и требований Статьи 5 в целом. В отношении мужа, Заявительница подчеркивает, что государство признало его задержание через два года после его проведения, однако не предоставило никакой информации о причинах задержания и других имеющих отношение к делу деталях.

170. Правительство утверждает, что любое нарушение прав сына Заявительницы стало результатом действий частных лиц, а не государственного органа. Расследованием не была установлена причастность представителей власти к его задержанию, и, если такое и имело место, их действия могли быть дополнительно классифицированы как злоупотребление служебным положением, например, по ст. 286 УК РФ. В отношении мужа Заявительницы, Правительство утверждает, что он был задержан в соответствии со ст. 13 Закона о Борьбе с Терроризмом компетентным органом власти ФСБ по подозрению в террористической деятельности. Пропагандистская литература экстремисткой направленности была изъята с места его проживания. Однако после проверки, доказательств его участия в террористической деятельности получено не было, после чего он был передан главе местной администрации для доставки домой. Правительство утверждает, что, таким образом, задержание Саид-Магомеда Имакаева было проведено в соответствии с национальным законодательством и Статьей 5 § 1 (с) Конвенции.

2. Оценка Суда

171. Суд подчеркивает фундаментальную важность гарантий, предусмотренных Статьей 5 по обеспечению права индивидов в демократическом обществе быть свободными от произвольного задержания в руках властей. Именно по данной причине Суд постоянно подчеркивал в своей судебной практике, что любое лишение свободы должно быть произведено не только в соответствии с основными и процедурными правилами национального законодательства, но и должно быть равным образом произведено в соответствии с целью Статьи 5, а именно, для защиты индивида от произвола. Для уменьшения риска произвольного задержания, Статья 5 предусматривает ряд материальных прав, направленных на обеспечение того, что лишение свободы может быть подвергнуто независимой судебной проверке и обеспечивает ответственность властей за применение такой меры. Суд подчеркивает, что не признанное заключение лица является полным отрицанием данных гарантий и самым серьезным нарушением Статьи 5. Учитывая ответственность властей за находящихся под их контролем лицами, Статья 5 должна рассматриваться как требующая от властей принятия эффективных предупредительных мер против риска исчезновения и проведения своевременного эффективного расследования по обоснованному заявлению о том, что лицо было задержано, и с тех пор его не видели (см. *Çakici v. Turkey [GC]*, no.23657/94, § 104, ECHR-1999-IV; и *Çiçek v. Turkey*, no. 25704/94, § 164, 27 February 2001).

172. Установлено, что Саид-Хусейн Имакаев был задержан 17 декабря 2000 года федеральными властями и с тех пор его не видели. Правительство не предоставило объяснений его задержанию и документов по существу расследования его задержания. Поэтому Суд приходит к выводу о том, что Саид-Хусейн Имакаев стал жертвой непризнанного задержания, в нарушение Статьи 5 Конвенции.

173. Что касается задержания Саид-Магомед Имакаева, Суд повторяет, что разумность подозрения, на которой должен основываться арест, представляет собой важнейшую часть гарантий против произвольного ареста и задержания, предусмотренных Статьей 5 § 1 (с). Наличие «разумных подозрений» подразумевает существование фактов или информации, которые удовлетворили бы объективных наблюдателей в том, что рассматриваемое лицо могло совершить преступление (см. *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*, judgment of 30 August 1990, Series A no. 182, p. 16, § 32). Однако дающие основания для подозрений факты не должны быть такого же уровня, как те, что необходимы для обоснования привлечения к уголовной ответственности или предъявления обвинения, что происходит на более поздних стадиях процедуры уголовного расследования (см. *Murray v. the United Kingdom*, judgment of 28 October 1994, Series A no. 300-A, p. 27 § 55).

174. Тем не менее, Суд должен быть способен оценить, была ли соблюдена сущность гарантии, предусмотренной Статьей 5 § 1 (с). Следовательно, Правительство государства-ответчика обязано предоставить, по крайней мере, некоторые факты или информацию, способные удовлетворить Суд в том, что арестованное лицо разумно подозревалось в совершении преступления (см. *Tuncer and Durmuş v. Turkey*, no. 30494/96, § 48, 2 November 2004).

175. По данному делу Правительство не предоставило никаких материалов в отношении ареста мужа Заявительницы, которые могли бы способствовать оценке его разумности. Простая ссылка на положения Закона о Борьбе с Терроризмом не может заменить надлежащей оценки разумности подозрений в отношении рассматриваемого лица. Любая другая интерпретация положений Статьи 5 § 1 (с) противоречила бы цели защиты против произвольного задержания. Утверждения Правительства о том, что задержание Саид-Магомед Имакаева соответствовало данным положениям, не имеет, таким образом, решающего значения.

176. Более того, из материалов дела следует, что задержание Имакаева не было отражено в соответствующих регистрах содержания под стражей, и отсутствуют официальные следы его допроса, освобождения или последующего местонахождения. Более двух лет, до получения показаний неназванных военнослужащих, участвовавших в его задержании, власти отрицали то, что он был задержан. Правительство отказалось предоставить какую-либо информацию в отношении точного времени и места содержания под стражей Саид-Магомед Имакаева, органов и должностных лиц, ответственных за его задержание и освобождение, а также правовых и фактических оснований для таких действий. В соответствии с прецедентным правом Суда, данный факт сам по себе должен рассматриваться как самый серьезный недочет, так как он позволяет ответственным за лишение свободы, скрыть их участие в преступлении, замести следы и избежать ответственности за судьбу задержанных. Более того, отсутствие данных отражающих такие действия, как дата, время и место задержания, имя задержанного и причины задержания, а также имена лиц, производящих его, должны рассматриваться как несовместимые с целью Статьи 5 Конвенции (см. *Kurt v. Turkey*, judgment of 25 May 1998, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-III, p. 1185, § 125; и указанное выше *Timurtaş v. Turkey*, § 105 и *Orhan v. Turkey*, § 371).

177. Суд далее считает, что власти должны были быть готовы к необходимости более тщательного и своевременного расследования по жалобам Заявительницы о том, что ее сын и муж были задержаны силами безопасности и увезены при угрожающих жизни обстоятельствах. Однако указанные выше выводы Суда в отношении Статьи 2, в частности, о проведении расследования, не оставляют сомнений в том, что власти не предприняли своевременных и эффективных мер

для обеспечения гарантий от риска исчезновения Саид-Хусейну и Саид-Магомеду Имакаевым.

178. Следовательно, Суд считает, что Саид-Хусейн и Саид-Магомед Имакаевы находились в непризнанном заключении при полном отсутствии гарантий, предусмотренных Статьей 5 Конвенции, и что имеет место нарушение права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированного данной нормой.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

179. Заявительница указывает на то, что лишена доступа к суду, в нарушение положений Статьи 6, соответствующая часть которой предусматривает:

«1. Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое...разбирательство дела ... судом».

180. Заявительница утверждает, что у нее не было доступа к суду из-за того, что ее гражданский иск полностью зависит от выводов уголовного расследования исчезновений. При отсутствии результатов расследования, она не может эффективно обратиться в суд.

181. Правительство оспаривает данные утверждения.

182. Суд считает, что жалоба Заявительницы по Статье 6 связана, по своей сути, с теми же вопросами, которые обсуждались при рассмотрении процедурного аспекта Статьи 2 и Статьи 13. Также следует отметить то, что Заявительница не предоставила информации, подтверждающей ее намерение обратиться в местный суд с иском о компенсации. При таких обстоятельствах, Суд считает, что не возникает отдельного вопроса о нарушении Статьи 6 Конвенции.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 8 КОНВЕНЦИИ

183. Заявительница утверждает о нарушении Статьи 8 Конвенции, которая предусматривает:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

184. Заявительница утверждает, что обыск, проведенный в ее доме 2 июня 2002 года во время задержания мужа, был незаконным, как по национальному законодательству, так и по Статье 8 Конвенции.

185. Правительство сослалось на положения ст. 13 Закона о Борьбе с Терроризмом, которая разрешает при проведении контртеррористических операций свободно входить в здания и сооружения или по время преследования лиц, подозреваемых в совершении террористического акта. Так как имелись основания подозревать мужа Заявительницы в участии в террористической деятельности, действия военнослужащих при осмотре дома Имакаевых соответствовали национальному законодательству и Статье 8 § 2 Конвенции. Оно также сослалось на «литературу экстремистской направленности» изъятую из дома Заявительницы, и которая впоследствии была уничтожена.

186. Таким образом, было установлено, что 2 июня 2002 года дом Заявительницы был обыскан, ряд вещей были конфискованы. Соответственно, имело место вмешательство в право Заявительницы на уважение ее жилища.

Остается рассмотреть, являлось ли вмешательство разрешенным по Статье 8 § 2 Конвенции и, в частности, было ли оно «предусмотрено законом» в целях этого параграфа.

187. Суд отмечает, что во время обыска Заявительнице не было предъявлено ордера на обыск, и не было предоставлено информации о том, что искали. Более того, из материалов следует, что такого ордера вообще не было, как до, так и после обыска, предположительно потому, что силы безопасности действовали в ситуации срочной необходимости. Правительство не смогло предоставить подробности причин обыска, ссылок на его законность или обозначить процессуальную значимость данных действий. Правительство не могло представить информации о том, какие вещи были изъяты в доме Имакаевых, так как они якобы были уничтожены. Таким образом, очевидно, что протоколирования или осмотра изъятых вещей произведено не было. Расписка, составленная военным офицером, который не указал своего настоящего имени, не указал государственный орган, который представлял, и в которой говорится о «сумке с документами и ящике кассет» (см. выше § 45), является единственным документом о проведенном обыске.

188. Ссылка Правительства на Закон о Борьбе с Терроризмом не может заменить индивидуальной санкции на проведение обыска, лишая ее объекта и границ, и подготовки в соответствии с предусмотренными нормативно-правовыми актами, или до, или после обыска. Положения данного Закона не должны толковаться таким образом, чтобы создать для действий сил безопасности исключения из ограничений каких-либо личных прав на неопределенный период времени и без четких пределов. Применение данных положений по данному делу еще более сомнительно, учитывая то, что Правительство не обозначило, ни Заявительнице, ни данному Суду, какая контртеррористическая операция проводилась 2 июня 2002 года в селении Новые Атаги, какой орган ее проводил, с какой целью и т.д. Более того, Суд отмечает, что более двух лет после рассматриваемых событий различные органы власти вообще отрицали проведение такой операции. Суд поражен таким отсутствием ответственности и не принятием на себя прямой ответственности со стороны должностных лиц, причастных к событиям данного дела.

189. Таким образом, Суд считает, что обыск и изъятие в данном деле были проведены без санкции или надлежащих гарантий. При таких обстоятельствах Суд приходит к выводу о том, что рассматриваемое вмешательство не было «предусмотрено законом» и поэтому имеет место нарушение Статьи 8 Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЯМИ 2, 3, 5 И 8 КОНВЕНЦИИ

190. Заявительница жалуется, что у нее нет эффективных средств правовой защиты в отношении нарушений Статей 2, 3, 5 и 8 Конвенции. Она ссылается на Статью 13 Конвенции, предусматривающую:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

191. Правительство с этим не согласно. Оно ссылается на ее статус потерпевшей по уголовным делам, возбужденным о похищении ее родственников, который позволил ей эффективно участвовать в процедуре. Оно также утверждает, что Заявительница могла обратиться в компетентные органы с жалобой о неэффективности расследования, но не сделала этого.

192. Суд повторяет, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения предусмотренных Конвенцией прав и свобод в любой форме, в которой они могут быть закреплены в местном законодательстве. Статья 13, таким образом, требует того, чтобы нормы национального законодательства могли разрешить по существу «обоснованную жалобу» на нарушение Конвенции и предоставить соответствующую компенсацию. При этом Высокие Договаривающиеся Стороны по собственному усмотрению решают, каким именно образом они будут соблюдать свое предусмотренное Конвенцией обязательство по данной Статье. Объем обязательства по Статье 13 различается в зависимости от сущности жалобы о нарушении Конвенции. Тем не менее, средство правовой защиты, предусмотренное Статьей 13, обязано быть «эффективным» не только в теории, но и на практике, особенно в том плане, что при его применении не должны возникать необоснованные препятствия в виде действий или бездействий властей государства-ответчика (см. *Aksoy v. Turkey*, judgment of 18 December 1996, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI, § 95; и *Aydin v. Turkey* judgment of 25 September 1997, *Reports* 1997-VI, § 103).

193. Принимая во внимание чрезвычайную важность права, гарантированного Статьей 2 Конвенции, Статья 13 требует того, чтобы в дополнение к выплате компенсации, было проведено тщательное и эффективное расследование, способное привести к установлению и наказанию виновных в лишении жизни, включая эффективный доступ заявителя к процедуре следствия по установлению виновных в совершении преступления (см. *Anguelova v. Bulgaria*, no. 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV; *Assenov and Others v. Bulgaria*, указанное выше, § 114 et seq.; и *Süheyla Aydin v. Turkey*, no. 25660/94, § 208, 24 May 2005). Суд вновь повторяет то, что требования Статьи 13 шире обязательств Высоких Договаривающихся Сторон по Статье 2 о проведении эффективного расследования (см. *Orhan* указанное выше, § 384; and *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, указанное выше, § 183).

194. Принимая во внимание выводы Суда в отношении Статей 2 и 3, данная жалоба является явно «обоснованной» в целях Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, judgment of 27 April 1988, Series A no. 131 § 52). Следовательно, у Заявительницы должна была иметься возможность обращения к эффективным и практическим средствам внутренней правовой защиты, способным привести к установлению и наказанию виновных, а также к присуждению им компенсации, в целях, предусмотренных Статьей 13.

195. Однако, при обстоятельствах, когда уголовное расследование исчезновений и вероятных убийств неэффективно (см. §§ 133-135, 160) и когда эффективность других возможных средств защиты, включая обращение с гражданским иском, была подорвана, Суд считает, что государство не выполнило своего обязательства по Статье 13 Конвенции.

196. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в сочетании со Статьями 2 и 3 Конвенции.

197. Что касается ссылок Заявительницы на Статьи 5 и 8 Конвенции, Суд указывает на свои выводы о нарушении данных норм (см. выше §§ 178 и 189). В свете указанного, Суд полагает, что не возникает отдельного вопроса о нарушении Статьи 13 в сочетании со Статьями 5 и 8 Конвенции.

VIII. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЕЙ 34 И 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

198. Заявительница утверждает, что непредставление Правительством запрошенных Судом документов, а именно материалов уголовных дел, продемонстрировало не соблюдение обязательств Правительства по Статьям 34 и

38 § 1 (а) Конвенции. Она также утверждает, что Российское Правительство нарушило свои обязательства не препятствовать эффективному осуществлению права на индивидуальное обращение в Суд. Указанные Статьи предусматривают:

Статья 34

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

Статья 38

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные Государства создают все необходимые условия».

А. Относительно представления документов

199. Суд повторяет, что процедура рассмотрения жалоб определенного типа не всегда подразумевает применение принципа в силу которого лицо, заявляющее о нарушении, обязано доказать выдвинутые обвинения. Чрезвычайно важным для эффективной работы системы индивидуальных обращений, предусмотренной Статьей 34 Конвенции, является то, что государства должны создать все необходимые условия для надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб.

200. Данное обязательство требует от Высоких Договаривающихся Сторон создания всех необходимых условий для Суда, независимо от того, проводит ли он расследование по установлению фактических обстоятельств дела или выполняет свои функции по рассмотрению жалоб. Особенностью процедуры, связанной с делами, по которым индивидуальные заявители обвиняют агентов государства в нарушении их гарантированных Конвенцией прав, является то, что иногда только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть данные обвинения. Не предоставление Правительством такой имеющейся у него информации без удовлетворительного объяснения, может не только привести к заключению о том, что обвинения заявителя хорошо обоснованы, но также может негативно отразиться на уровне соблюдения государством-ответчиком его предусмотренных Статьей 38 § 1 (а) обязательств. В деле, когда жалоба поднимает вопрос об эффективности расследования, документы уголовного расследования являются чрезвычайно важными для установления фактов, и их отсутствие может воспрепятствовать надлежащему рассмотрению жалобы Судом, как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения по существу (см. *Tanrikulu v. Turkey*, указанное выше, § 70).

201. Суд напоминает о том, что он неоднократно запрашивал у Российского Правительства предоставления копий материалов уголовных дел, возбужденных в связи с исчезновением родственников Заявительницы. Содержащиеся в обоих делах доказательства считались Судом имеющими ключевое значение для установления фактов по делу. Он также указывает на то, что находит причины, указанные Правительством для отказа в предоставлении документов, недостаточными (см. выше §§ 123 и 132). Ссылаясь на важность сотрудничества Правительства государства-ответчика для предусмотренной Конвенцией процедуры, учитывая сложности, связанные с установлением фактических обстоятельств по делу такого рода, Суд считает, что Правительство не выполнило своих обязательств по Статье 38 § 1 Конвенции в связи с непредставлением копий

запрошенных Судом документов в отношении исчезновения Саид-Хусейна и Саид-Магомеда Имакаевых.

В. В отношении воспрепятствования осуществлению права на индивидуальное обращение

202. Заявительница утверждает, что похищение ее мужа, и его вероятное убийство, были связаны с его жалобой в Европейский Суд по Правам Человека и представляет собой грубейшее нарушение обязательства России не препятствовать никоим образом осуществлению права на индивидуальное обращение. Далее, в обоснование утверждений о ненадлежащем на нее давлении, она сослалась на допрос, в ходе которого оно было на нее оказано. Она также утверждает, что непредставление Правительством, без достаточных оснований, запрошенных у него документов, помешало ей обосновать ее требования в Суд.

203. Правительство считает, что жалоба Заявительницы об оказанном на нее давлении абсолютно необоснованна и не имеет под собой фактических оснований. Оно сослалось на отсутствие в рамках местной процедуры жалоб Заявительницы по данному поводу.

204. Суд вновь повторяет, что важнейшим для эффективной работы системы индивидуальных обращений, предусмотренной Статьей 34, является то, что заявители или потенциальные заявители должны иметь возможность свободно обращаться в институты Конвенции, без оказания на них давления в любой форме со стороны властей, по отзыву или изменению их жалоб. В данном контексте «давление» включает не только прямое принуждение и явные акты запугивания, но и другие ненадлежащие непрямые действия или контакты, предпринятые с целью разубедить или разуверить заявителей от обращения к средствам правовой защиты Конвенции. Более того, вопрос о том, был ли контакт между властями и заявителем, равносителен неприемлемой практике с точки зрения Статьи 34, должен определяться в свете особых обстоятельств дела. В данном случае, необходимо принимать во внимание уязвимость жалобщика и его или ее подверженность влиянию со стороны властей. При проведении расследования, в контексте допроса заявителей о поданных ими в соответствии с Конвенцией жалобах, это зависит от того, оказывалось ли при данной процедуре давление, которое может считаться формой незаконного и неприемлемого давления, мешающего осуществлению права на индивидуальное обращение (см., например, *Aydin v. Turkey*, указанное выше, §§ 115-117; и *Salman v. Turkey*, указанное выше, § 130).

205. По данному делу, что касается утверждений Заявительницы о том, что ее муж был задержан в качестве наказания за обращение в Европейский Суд, Суд отмечает, что ввиду непредставления Правительством материалов уголовного дела об исчезновении мужа Заявительницы, Суд не может установить подлинные причины его ареста. В любом случае, принимая во внимание выводы о нарушении Статей 2 и 5 Конвенции в отношении исчезновения Саид-Магомеда Имакаева (см. §§ 157 и 178), Суд не считает, что при обстоятельствах данного дела, данная жалоба требует отдельного рассмотрения по Статье 34 Конвенции.

206. Что касается жалоб Заявительницы о сущности ее допросов государственными должностными лицами, Правительство отрицает, что какое-либо давление было оказано на Заявительницу. Сама Заявительница не сослалась на конкретные угрозы или другие попытки разубедить ее от обращения в Суд, а просто указала, что посчитала их замечания как говорящие о том, что она заплатила деньги для подачи жалобы в Европейский Суд. При таких обстоятельствах у Суда нет достаточного материала для вывода о том, что Правительство государства-ответчика также нарушило свои обязательства по Статье 34 Конвенции.

207. Наконец, что касается ссылки Заявительницы на Статью 34 в контексте непредставления Правительством документов из материалов уголовных дел, Суд уже рассмотрел данный вопрос выше, в контексте Статьи 38 Конвенции, и не считает, что здесь необходимы дополнительные выводы.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

208. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

1. Материальный ущерб

209. Заявительница предъявляет требование в отношении утраченной заработной платы сына и мужа с момента их ареста и последующего исчезновения. В общей сложности Заявительница требует компенсировать 2243004 рублей под данным заголовком (64654 евро).

210. Она утверждает, что ее сын имел образование стоматолога и некоторое время работал в этом качестве за годовую заработную плату в 54 000 рублей. Учитывая среднюю продолжительность жизни для женщин в России в 70 лет, Заявительница предполагает, что она финансово зависела бы от сына с декабря 2000 года до 2021 года. Его заработки за указанный период, с учетом ежегодных 12% инфляции, составили бы 4 414 760 рублей. Заявительница могла рассчитывать на 30% от этой суммы, что составило бы 1 470 567 рублей.

211. Аналогичным образом, Заявительница утверждает, что она могла рассчитывать на 100% заработной платы мужа, который бы полностью содержал ее и семью. Несмотря на то, что к моменту задержания ее муж был безработным, Заявительница утверждает, что разумным было бы ожидать, что он нашел бы работу и зарабатывал бы, по крайней мере, официальную минимальную заработную плату до выхода на пенсию в возрасте 60 лет в 2015 году. В июле 2002 года официальный минимальный размер оплаты труда составлял 450 рублей в месяц и был увеличен в среднем на 25% в 2002-2006 г.г. Заявительница предполагает, что такой прирост должен исчисляться до 2015 года, и утверждает, что результат составил бы 772 437 рублей.

212. Правительство считает данные требования основанными на предположениях и необоснованными.

213. Суда напоминает о том, что должна присутствовать четкая причинно-следственная связь между заявленным требованием со стороны Заявительницы и нарушением Конвенции, а также то, что это может, в надлежащих случаях, включать компенсацию утраченных заработков (см., среди прочих источников, *Çakıcı* указанное выше). Учитывая изложенные выше выводы, действительно имеется прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении сына и мужа Заявительницы и утратой ею финансовой поддержки, которую они могли оказать. Суд также считает, что утрата заработка также имеет отношение к иждивенцам и считает разумным предполагать, что сын и муж Заявительницы имели бы заработки, и что Заявительница получила бы от них материальную поддержку. Принимая во внимание представленные Заявительницей документы, Суд присуждает Заявительнице 20 000 евро в

отношении компенсации материального ущерба плюс любой подлежащий уплате с данной суммы налог.

2. Моральный ущерб

214. Заявительница требует компенсации 70 000 евро в счет морального ущерба за страдания, перенесенные ею в результате утраты сына и мужа, равнодушия к ней властей, непредставление ими информации о судьбе ее родственников, невозможности похоронить их и того, что ей пришлось покинуть свою Родину.

215. Правительство считает сумму требования завышенной.

216. Судом были установлены нарушения Статьей 2, 5 и 13 в отношении непризнанного задержания и предполагаемой смерти сына и мужа Заявительницы в руках властей. Заявительница сама была признана жертвой нарушения Статей 3 и 8 Конвенции в связи с перенесенными ею душевными переживаниями и тревогой и незаконным вмешательством в ее право на уважение жилища. Таким образом, Суд признает то, что она понесла моральный ущерб, который не может быть компенсирован только установлением нарушения. Он присуждает Заявительнице 70 000 евро плюс любой подлежащий уплате с данной суммы налог.

В. Расходы

217. Интересы Заявительницы в Суде представляла SRJI. Она утверждает, что расходы ее представителей включают стоимость исследований в Ингушетии и Москве в 50 евро/час, подготовку юридических документов для представления в Европейский Суд и в местные органы власти в 50 евро/час для сотрудников SRJI и 150 евро/час для руководящих сотрудников организации.

218. Заявительница попросила компенсировать ей 15 759 евро в связи с юридическими расходами, включая:

- 500 евро за подготовку первоначальной жалобы об исчезновении сына Заявительницы;

- 1475 евро за подготовку первоначальной жалобы об исчезновении мужа Заявительницы;

- 2250 евро за подготовку полной жалобы об исчезновении ее сына и мужа Заявительницы;

- 3400 евро за подготовку дополнительных ходатайств;

- 1775 евро за подготовку ответа Заявительницы на меморандум Правительства;

- 825 евро за подготовку дополнительной переписки с ЕСПЧ;

- 2300 евро в связи с подготовкой и переводом ответа Заявительницы на решение ЕСПЧ о приемлемости;

- 1850 евро в связи с подготовкой юридических документов, представленных в национальные правоохранительные органы;

- 1006 евро понесенных административных расходов (7% от юридических расходов);

- 378 евро за услуги международной службы почтовой доставки документов в ЕСПЧ.

219. Правительство не оспаривало деталей представленных Заявительницей расчетов, однако утверждало, что заявленные суммы являются чрезмерными для неправительственной организации, такой как SRJI.

220. Суду следует установить, действительно ли были понесены указанные Заявительницей расходы, и были ли они необходимыми (см. *McCann and Others* указанное выше, § 220).

221. Суд отмечает, что Заявительница и ее муж выдали доверенности SRJI в феврале 2002 года, уполномочив их на представление интересов в Европейском Суде по Правам Человека. Организация SRJI действовала в качестве представителя Заявительницы в течение всей процедуры. Суд считает, что указанные выше суммы разумны.

222. Далее, следует установить, были ли расходы, понесенные Заявительницей в целях представления ее законных интересов по жалобе, необходимыми. Суд отмечает, что данное дело является довольно сложным, особенно в виду «двойного исчезновения». С другой стороны, по нему не рассматривалось большого количества документов, особенно после подготовки первоначальных документов и поэтому сомневается, требовались ли на дальнейших стадиях его рассмотрения, исследования и подготовка в количестве, указанном представителем.

223. При данных обстоятельствах, принимая во внимание представленные Заявительницей требования, Суд уменьшает заявленную сумму и присуждает Заявительнице 10 000 евро, за вычетом 886 евро полученных ею в качестве юридической помощи от Совета Европы, вместе с подлежащим уплате с суммы компенсации налогом на добавленную стоимость.

С. Процентная ставка

224. Суд считает, что процентная ставка дохода с подлежащих оплате сумм должна базироваться на средней кредитной ставке Центрального Банка Европы, к которой должно быть добавлено три процента.

ПО УКАЗАННЫМ ВЫШЕ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. Устанавливает нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении исчезновения Саид- Хусейна Имакаева;

2. Устанавливает нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Саид- Хусейна Имакаева;

3. Устанавливает нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении исчезновения Саид- Магомеда Имакаева;

4. Устанавливает нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении непроведения эффективного расследования обстоятельств исчезновения Саид-Магомеда Имакаева;

5. Устанавливает нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении Заявительницы;

6. Устанавливает нарушение Статьи 5 Конвенции в отношении Саид-Хусейна Имакаева и в отношении Саид-Магомеда Имакаева;

7. Устанавливает, что не возникает отдельных вопросов о нарушении Статьи 6 Конвенции;

8. Устанавливает нарушение Статьи 8 Конвенции;

9. Устанавливает, что имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений Статьей 2 и 3 Конвенции;

10. Устанавливает, что не возникает отдельных вопросов о нарушении Статьи 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений Статей 5 и 8 Конвенции;

11. Устанавливает, что имело место не выполнение Статьи 38 § 1 (а) Конвенции;

12. Устанавливает, что нет необходимости рассматривать отдельно жалобу Заявительницы по Статье 34 Конвенции о том, что ее муж был задержан в связи с обращением в Европейский Суд, и о том, что Правительство не предоставило документов из материалов уголовных дел, и что не имело место несоблюдение Статьи 34 Конвенции в отношении жалобы Заявительницы о допросе официальными должностными лицами;

13. Устанавливает

(а) что государство-ответчик обязано выплатить Заявительнице, в течение трех месяцев с даты вступления постановления Суда в силу, в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:

(i) 20 000 евро (двадцать тысяч евро) в счет материального ущерба;

(ii) 70 000 евро (семьдесят тысяч евро) в счет морального ущерба;

(iii) 9 114 евро (девять тысяч сто четырнадцать евро) в качестве компенсации расходов, подлежащую выплате на банковский счет представителя Заявительницы в Нидерландах;

(iv) любые налоги, которые могут взиматься с вышеуказанных сумм.

(b) что по истечении указанных выше трех месяцев на весь период до выплаты назначенных сумм, на них подлежит начислению простая процентная ставка дохода, в размере, равном средней кредитной ставке Центрального Банка Европы плюс три процента.

Выполнено на английском языке, сообщено в письменном виде 9 ноября 2006 года, в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Кристос Розакис
Президент